

ISSN 2226-0773

**HUMANITY SPACE
INTERNATIONAL ALMANAC**

**ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ**

Volume 14, No 7 Том 14, № 7

2025

<http://www.humanityspace.net>
<http://www.humanityspace.ru>
<http://www.гуманитарноепространство.рф>

**Volume 14, No 7
Том 14, № 7**

ISSN 2226-0773

**HUMANITY SPACE
INTERNATIONAL ALMANAC**

**ГУМАНИТАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЛЬМАНАХ**

**Volume 14, No 7
Том 14, № 7**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGICAL SCIENCES

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ПОСВЯЩЁННЫЙ
ОЛЬГЕ ВАДИМОВНЕ СТУКАЛОВОЙ
ДОКТОРУ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТУ
(04.12.1966, МОСКВА – 28.10.2025, МОСКВА)**

2025

Гуманитарное пространство. *Международный альманах* ТОМ 14, № 7, 2025
Humanity space. *International almanac* VOLUME 14, No 7, 2025

Главный редактор / Chief Editor: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**

Дизайн обложки / Cover Design: **М.А. Лазарев / M.A. Lazarev**

E-mail: **humanityspace@gmail.com**

Научные редакторы / Scientific Editors: **В.П. Подвойский / V.P. Podvoysky**

E-mail: **9036167488@mail.ru**

Веб-сайт / Website: **<http://www.humanityspace.net>**

<http://www.humanityspace.ru>

<http://www.гуманитарноепространство.рф>

Издательство / Publishers:

Международная академия образования / International Academy of Education

121433, Россия, г. Москва, ул. Большая Филёвская, 28, корп. 2

Bolshaya Filevskaya str., 28, building 2, Moscow 121433 Russia

Напечатано / Printed by:

ООО «АЕГ Групп» / A.E.G. Group

125009, г. Москва, Тверская улица, 27, строение 1, подъезд 2

Tverskaya str., 27, building 1, approach 2, Moscow 125009 Russia

Постер-МГУ / Poster-MSU

119296, г. Москва, ул. Молодежная, 3

Molodezhnaya, 3, Moscow 119296 Russia

Дата выпуска / Date of issue: **01.11.2025**

Реестр / Register: **ISSN 2226-0773**

DOI: **10.5281/zenodo.17539525**

EDN: **HOLWFJ**

© Гуманитарное пространство. *Международный альманах*

Humanity space. International almanac

составление, редактирование

compiling, editing

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алексеева Лариса Леонидовна

доктор педагогических наук, доцент, почётный работник науки и техники РФ
Московский государственный институт культуры

Баршевскис Арвидс (Латвия)

академик Латвийской академии наук, доктор биологических наук, профессор
Даугавпилсский университет

Блок Олег Аркадьевич

доктор педагогических наук, профессор
Московский государственный институт культуры
Президент отделения «Музыкальное искусство и образование»
Международной академии информатизации при ООН

Борц Анна (Польша)

доктор искусствоведения
Вроцлавский университет экологических и биологических наук
Институт ландшафтной архитектуры

Бочкарёва Екатерина Дмитриевна

кандидат педагогических наук
Московский государственный институт культуры

Губин Александр Игоревич

кандидат биологических наук
Донецкий ботанический сад

Данилевский Михаил Леонтьевич

кандидат биологических наук
Институт Проблем Экологии и Эволюции им. А.Н. Северцова РАН

Делий Павел Юрьевич

кандидат педагогических наук, профессор
Московский государственный институт культуры

Дуккон Агнеш (Hungary)

доктор филологических наук, профессор
Будапештского Университета им. Лоранда Этвеша (ELTE)
Венгерская Академия Наук (по венгерской литературе ренессанса и барокко)

Жаркова Алёна Анатольевна

доктор педагогических наук, профессор, профессор Российской
академии образования
Московский государственный институт культуры

Жарков Анатолий Дмитриевич

академик Российской академии естественных наук, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ
Московский государственный институт культуры

Илларионова Людмила Петровна

доктор педагогических наук, профессор
Государственный университет просвещения

Кадников Виталий Валерьевич

кандидат биологических наук
Институт биоинженерии, ФИЦ Биотехнологии Российской академии наук

Калимуллина Ольга Анатольевна

доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Малянов Евгений Анатольевич

доктор педагогических наук, профессор
Пермский государственный институт культуры

Москвина Анна Сергеевна

кандидат педагогических наук, доцент
Государственный университет просвещения

Овечко Николай Николаевич

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт вакцин и сывороток имени И.И. Мечникова Российской академии наук

Оленев Святослав Михайлович

доктор философских наук, профессор
Московская государственная академия хореографии

Печко Лейла Петровна

доктор философских наук, профессор

Пирязева Елена Николаевна

кандидат искусствоведения

Подвойский Василий Петрович

доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор

Поль Дмитрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет

Полюдова Елена Николаевна (США: Калифорния)

кандидат педагогических наук

Окружная библиотека Санта Клара

Сёке Каталин (Венгрия)

кандидат филологических наук, доцент

Института Славистики Сегедского университета

Солодухин Владимир Иосифович

доктор педагогических наук, профессор

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Солодухина Татьяна Константиновна

доктор педагогических наук, профессор

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Щербакова Анна Иосифовна

доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор

Московский государственный институт имени А.Г. Шнитке

EDITORIAL BOARD

Alekseeva Larisa Leonidovna

Dr. of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Science and Technology of the Russian Federation
Moscow State Institute of Culture

Barševskis Arvids (Latvia)

Academician of Latvian Academy of Science, Dr. of Biological Sciences, Professor
Daugavpils University

Blok Oleg Arkadevich

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
Moscow State University of Culture
President of the Department of Music and Education of the International Academy of Informatization at the United Nations

Borch Anna (Poland)

Dr. of Art Criticism
Wroclaw University of Environmental and Life Sciences
Institute of Landscape Architecture

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna

PhD of Pedagogical Sciences
Moscow State Institute of Culture

Danilevsky Mikhail Leontevitch

PhD of Biological Sciences
A.N. Severtzov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences

Dely Pavel Yurevich

PhD of Pedagogical Sciences, Professor
Moscow State University of Culture

Dukkon Ágnes (Hungary)

Dr. of Philological Sciences, Professor
Budapest University named after Eötvös Loránd (ELTE)
Hungarian Academy of Sciences (in Hungarian literature, Renaissance and Baroque)

Gubin Alexandr Igorevich

PhD of Biological Sciences
Donetsk Botanical Garden

Illarionova Lyudmila Petrovna

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
State University of Education

Kadnikov Vitaly Valerevich

PhD of Biological Sciences

Institute of Bioengineering, Federal Research Center “Fundamentals of Biotechnology” of the Russian Academy of Sciences

Kalimullina Olga Anatolievna

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism

Malyanov Evgeniy Anatolevich

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Perm State Institute of Culture

Moskvina Anna Sergeevna

PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor

State University of Education

Ovechko Nikolay Nikolaevich

PhD of Biological Sciences, Senior Researcher

I.I. Mechnikov Scientific Research Institute of Vaccines and Serums of the Russian Academy of Sciences

Olenev Svyatoslav Mikhaylovich

Dr. of Philosophical Sciences, Professor

Moscow State Academy of Choreography

Pechko Leyla Petrovna

Dr. of philosophical science, Professor

Piryazeva Elena Nikolaevna

PhD of Art Criticism

Podvoysky Vasily Petrovich

Dr. of Pedagogical Sciences, PhD of Psychological Sciences, Professor

Pole Dmitriy Vladimirovich

Dr. of Philological Sciences, Professor

Moscow State Pedagogical University

Polyudova Elena Nikolayevna (USA: California)

PhD of Pedagogical Sciences

Santa Clara County Library

Shcherbakov Anna Iosifovna

Dr. of Pedagogical Sciences, PhD of Culturological Sciences, Professor
Moscow State Institute of Music named A.G. Schnittke

Solodukhin Vladimir Iosifovich

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Solodukhina Tatyana Konstantinovna

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Szoke Katalin (Hungary)

PhD of Philological Sciences, assistant professor
Institute of Slavic Studies of the University of Szeged

Zharkova Alena Anatolevna

Dr. of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education
Moscow State University of Culture

Zharkov Anatoliy Dmitrievich

Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Worker of Culture of the Russian Federation
Moscow State University of Culture

ОЛЬГА ВАДИМОВНА СТУКАЛОВА

Доктор педагогических наук, доцент

(04.12.1966, Москва, Россия –

28.10.2025, Покровское кладбище, Москва, Россия)

**Два рассказа из серии «Придуманные жизни»:
Амариллис и Многоточие**

О.В. Стукалова

Москва, Россия

Moscow, Russia

Ключевые слова: художественная литература, литературоведение, современная литература, неопубликованные рассказы.

Key words: fiction, literary criticism, contemporary literature, unpublished stories.

Резюме: В данной работе печатаются ранее неопубликованные два рассказа «Амариллис» и «Многоточие» доктора педагогических наук, доцента Ольги Вадимовны Стукаловой (1966-2025). Автор более 200 научных публикаций по вопросам художественно-эстетического образования, социокультурных проектов и образования в сфере культуры и искусства, награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации.

Abstract: This volume features two previously unpublished stories, “Amaryllis” and “Ellipsis” by Doctor of Pedagogical Sciences and Associate Professor Olga Vadimovna Stukalova (1966-2025). She is the author of over 200 scientific publications on artistic and aesthetic education, sociocultural projects, and education in culture and the arts. She was awarded the Certificate of Honor of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

[**Stukalova O.V.** Two stories from the “Invented Lives” series: Amaryllis and Ellipsis]

Амариллис

*Амариллис... Позабылось...
И цветка листья мечами
от смятения укрыли,
отогнали прочь печали.*

Улекса фон Лу

Амариллисы продавались в магазине около метро. Нина, выходя из метро после работы, нет-нет да и заходила полюбоваться на их атласные сиреневато-розовые лепестки. Оглядывалась, чтобы никто не увидел, и гладила их - казалось, что трогала шелковую ткань. Гордые головки на длинных стеблях, острые листья. Цветок, похожий на трубу граммофона,

напоминал ей почему-то туннель. Внутри цветка будто скрыта пещерка.

Нина стряхивала с себя это замороженное состояние и еще раз оглядывалась. Всё ей чудилось, что за ней кто-то наблюдает и посмеивается над ее чудачествами. Вот...привязалась к амариллисам и ходит к ним на свидания в цветочный магазинчик. И еще при этом, чтобы никто не подумал, что зашла зазря, покупала ненужную мелочь - подарочные сумочки, пакетики с удобрениями, ленточки. Никто, наверное, и не думал, и не наблюдал, но преодолеть свой стыд перед кем-то невидимым она не могла и продолжала оглядываться, и покупать ненужный хлам...

Как была с детства вечно озабоченная, чтобы никто ничего про нее плохого не подумал, так и в 50 с хвостиком лет все переживает из-за чужого мнения.

Утром, уходя в школу, она проходила сквозь строй отряхивающих, одергивающих и поправляющих - у дверей выстраивалась колонна провожающих: мама, бабушка и тетя. Все были в сборе, на службу ходили, когда хотели, и, в основном, работу делали на дому. Мама была редактором в каком-то большом техническом издательстве. И тетя (тетю звали Нина, кстати) была редактором в большом техническом издательстве. Только другом, не маминим. И бабушка (бабушку тоже звали Нина) была когда-то редактором в большом издательстве. Но не техническом, а литературном, да еще издающем книги на иностранных языках. Бабушка прекрасно знала английский, французский и немецкий, а также польский и чешский, может, она еще какой-то знала, но не говорила. Бабушкин брат, светский лев, советский плэйбой, объездивший как журналист-международник весь мир, шутил: «Все вы Нины, и дома у вас одна писанНина!».

Бабушкин брат всегда приезжал без предупреждения, как стало ясно потом - совмещая свои визиты к сестре с посещениями стоматолога, жившего неподалеку и державшего дома подпольный кабинет. Бабушка начинала суетиться, что-то доставать из холодильника, хотя обычно доставать было нечего. Тетя бежала в магазин «за тортиком», который бабушкин брат никогда в рот не брал, он, вообще, старался на их кухне ничего

не брать и ничего не касаться. Его белые свитера крупной вязки или светлые пиджаки не выдерживали столкновения с маленькой кухней в унылой хрущобе на задворках конечной станции метро.

Тортик потом доедала Нина-маленькая, дома ее звали НИНА, четко выговаривая каждый звук, а тетю, наоборот, звали Ниночка, Ниночек. Считалось, что тетю надо жалеть, прощать ей внезапные слезы, резкие обиды, глаза, полные укора, дни, а то и недели полного молчания. Ниночка имела право хлопнуть дверью посреди разговора, кинуть трубку, бросить ложку в недоеденную тарелку и уйти в свою комнату.

Комнат в их квартире было три. В одной жила Ниночка. В другой Нина Васильевна - то есть бабушка, а в третьей - НИНА и ее мама, Татьяна.

Так, скользя по пригоркам воспоминаний, Нина добралась до дому, от метро еще надо было ехать на автобусе, а потом пешком от остановки. «Зато рядом парк!»- любила говорить бабушка. Она гордо поднимала голову и твердо смотрела в глаза собеседнику. Правда, собеседников было немного. А с каждым годом становилось все меньше. Сначала перестали ходить аспиранты, которых бабушка готовила к сдаче кандидатского минимума. Что случилось, Нина не знала, то ли минимумы эти перестали сдавать, то ли бабушка начала сдавать и уже не знала новых требований, да и язык подзабыла. Но постепенно эта категория посетителей их квартиры исчезла. Потом перестала ходить в гости бабушкина подруга студенческих лет. Она слегла и уже не передвигалась по Москве. Почему бабушка никогда ни к кому не ходила в гости сама - этот вопрос никто никогда не задавал, это было как-то само собой. Так надо.

В их семье было так всегда. Бабушка что-то решила, и это никто даже не пытался оспаривать. Так надо.

Однажды Нина с мамой шли от станции к даче маминой подруги. Поле заросло иван-чаем, день догорал. Было так хорошо, что всю жизнь потом эта дорога вспоминалась. Нина решилась и спросила о том, о чем много раз думала: «Мама, а почему ты назвала меня Ниной?». Мама усмехнулась, посмотрела на нее внимательно и ответила: «Бабушка так

решила...». «А как бы ты хотела меня назвать?». Мама молчала, а потом вдруг сказала тихо: «Не поверишь...Амариллис...».

Около подъезда стояла скорая. Нина почувствовала сильное волнение и побыстрее поднялась в квартиру. Дверь ей открыла Ниночка. «К нам?» - сердце Нины стучало в горле - и от страха, и от подъема на пятый этаж. «Да», - скорбно сказала Ниночка.

У маминой кровати сидела врач, мерила давление, рядом медсестра набирала лекарство в шприц. Привычная картина.

Гости в их доме были редки. Подруг школьных Нина не водила, да, честно говоря, и не имела. В первом классе она проболела почти весь год и так потом и не влилась ни в одну из многочисленных компаний. Девочек в классе было вдвое больше, чем мальчиков. Они разбились на группки, время от времени враждовали, объединялись, потом разъединялись, потом снова объединялись. Все это шло как-то мимо. Нина была сильно занята: ходила в музыкалку, занималась с бабушкой английским, немецким и немножечко французским. В восьмом классе ей наняли репетитора по истории, потому что было решено, что поступать она будет в МГУ на историю искусств. Так снова решила бабушка, и никому не пришлось в голову сказать: «Нет». Самой Нине тоже нравилось думать, что она будет учиться в Университете. Дома несколько лет это была главная тема - Университет.

В тот вечер, на поле, полном розоватого иван-чая, Нина была счастлива. Она вдруг ощутила, что в ней живет некто другой - более красивый, странный и непохожий на всех. Амариллис...Она даже голову стала как-то по-другому держать. И спину. Мама-то посмеялась тогда - ну что бы вышло с этим именем? Фамилия их - Быковы. Вот глупость: Амариллис Быкова!

Но Быковой была Нина, а Амариллис была сама по себе - без фамилии.

Нина начала сочинять роман в письмах. Амариллис писала о себе своей подруге. Запала хватило на два письма. Когда через полгода блокнотик с началом романа нашла,

прочитала его, краснея от стыда за пошлость, за банальность, за кургузые мечтания. Счастье той девочке виделось в образах неясных, ходульных, стерильных. ОН, даже имени она ему не смогла придумать - был слишком похож на бабушкиного брата в его белом свитере и джинсах, с гордой трубкой в белоснежных ровных зубах и насмешливым прищуром голубых глаз. Та девочка была там, в прошлом. Но ведь она тоже была Ниной...И часть этой девочки застряла в женщине, возможно, она и диктует эти походы к амариллисам, тайные истории, рождающиеся от случайных задумчивых взглядов, встреченных в метро, собственные приметы и знаки судьбы. Вот ветка рябины наклоняется к ней каждый раз, как будто здоровается. Знак избранности? Предупреждения? Нина могла всю дорогу до метро размышлять об этом. А в голове стучали цветаевские строчки: «Но если куст, особенно рябины...».

Искусствоведом Нина не стала. Поступить в Московский университет она не смогла. Не потому, что завалила экзамены. Она серьезно заболела. Летом схватила воспаление легких! Немыслимо! Это бабушка Нина Васильевна тогда так говорила: «Немыслимо! Летом и воспаление легких!». Нина очень переживала, что бабушка была недовольна. Хотя именно бабушка почти круглосуточно сидела тогда возле нее в больнице. Выпаивала ее отваром из трав, держала за руку, вытирала горячий лоб, смотрела на нее требовательно и строго. Но означало это одно: «Живи! Не смей болеть!». И Нина выздоровела, хотя несколько дней было совсем плохо. Даже страшно...Даже страшно...

Мама Нины Татьяна в это время отдыхала в Кисловодске по профсоюзной путевке. Решили тогда всей семьей: надо ехать! Не пропадать же путевке!

Нина очень грустила по маме, но и радовалась, что та отдохнет наконец! Столько лет без отпуска...Почему надо было соглашаться на путевку в тот год, когда дочь собралась поступать в университет, никому в голову не приходило. Бесплатная путевка в санаторий казалась манной небесной, чудом, причем не совсем даже и заслуженным.

Бабушкина прохладная рука была заслуженным и не чудом, а необходимостью. Для Нины эта рука означала -

требование не болеть, перестать себя жалеть, а скорее встать на ноги и не пропустить год!

Вот еще одно устрашающее, нависающее над Ниной - Не пропустить год! Надо было поступить во что бы то ни стало! Почему? Нина не должна была идти в армию. Нина жила в Москве. В нининой семье три человека работали и прокормить Нину вполне могли. К тому же Нина и сама могла бы поискать работу. Пойти в пионервожатые, например! Как сделала внучка бабушкиной подруги студенческих лет.

Но ...Бабушка решила, что Нина должна поступить сразу же после школы. Сразу же в университет. Нина не оправдала бабушкиных ожиданий. И Нина это чувствовала. Бабушка держала руку на ее пылающем лбу. А Нина сжималась под этой рукой и думала о том, что иногда, наверное, лучше умереть, чем так страдать от стыда за свою слабость.

Болезнь была слабостью. Жалеть - стыдно. Жалеть себя - низко. Опасно. Это путь к пустой мещанской жизни.

Мещанство - слово ругательное. Читать книги - это хорошо. Красить ресницы - это плохо. Ходить в музеи - это хорошо. Ходить в магазины и покупать там тряпки (бабушка иначе одежду не называла, только «тряпки» или даже «тряпье») - это низко. Опасно. Это недостойно.

Цветов в их доме не держали. Только один кривой кустик алоэ торчал в простом глиняном горшке. Алоэ был лекарственным другом. Его сок капали в нос при насморке, его листья растирали с лимоном и медом и поднимали иммунитет по весне. Все остальные цветы, случайно затесавшиеся в их дом, засыхали, позабытые в своих горшочках или сунутые в банку. Ваз в доме не имелось. За ненадобностью.

Нина шла под дождем. Он был не холодный, но сильный. Зонт уже не справлялся со своим важным делом. Спина пальто промокла. В ботинки залилась вода. Может, дождик ей подсказывал все эти воспоминания?

Поворачивая к дому, она замерла и даже зажмурилась. Ура! Скорой не было!

Свою маму Нина очень любила. Тайно любовалась ей, когда она расчесывала свои роскошные черные волосы перед

сном, когда весело смеялась за праздничным столом, вспоминая детские проделки и студенческие времена. У мамы было несколько подруг. Иногда мама брала Нину с собой на их встречи, они ездили в гости на дачу к одной - самой любимой - тете Наде.

Тетя Надя была журналисткой. Она говорила хриплым голосом, беспрестанно курила, прикуривая новую сигарету от той, которую уже докурила. Тетя Надя могла бесцеремонно осмотреть Нину и выдать грубоватое: «Что-то ты стала совсем кобылой, матушка!». А затем пойти в соседнюю комнату и вернуться оттуда с моднейшим свитером или джинсами, которые привозила из-за границы. Она работала в газете «Нуфель де Моску» и частенько моталась в разные страны, казавшиеся Нине такими же далекими и недоступными, как Луна или Марс. В отличие от бабушкиного брата, тетя Надя никакого лоску за границей не приобрела, над иностранцами даже подтрунивала и перед жизнью в парижках и лондонах не млела, как большинство знакомых.

Отец тети Нади был «красный командир». Это была правда, или она так его называла в шутку - Нина не знала. Но на стенах дачи висели фото бравого красавца в папахе, на коне, с саблей наголо. Совместить этого молодца со старым морщинистым человечком, который вечно сидел в своей инвалидной коляске, накрытый клетчатым пледом и не мигая смотрел перед собой, было трудно. Тетя Надя очень любила своего «красного командира», разговаривала с ним, хотя он никогда ей не отвечал.

Однажды Ниночка-мамина сестра на рассказы Нины о поездке к тете Наде фыркнула и бросила едко: «А что еще Надежде остается! Ободрали ее как липку новые родственнички... Меньше надо было с тем австралийцем крутить... А то из-под носа квартиру на улице Горького увели! Хотя поделом ей за все, что она тебе сделала...». Таким тоном в их семье не разговаривали - не принято было обсуждать чужие дела. Если что-то вдруг возникало подобное, бабушка Нина Васильевна становилась особенно прямой, губы превращались в тонкую ниточку, а глаза застывали. Этого обычно было достаточно, чтобы разговоры исчезали тонкой струйкой легкого

дымка. А тут вдруг бабушка промолчала, или сделала вид, что не расслышала нити разговора, так как занята, собирая посуду со стола.

Мама тоже промолчала, только странно посмотрела на Ниночку. Внимательно так посмотрела, долгим взглядом, как будто что-то новое увидела в своей сестре. Они были совсем разные. Рыжеватая, в конопушках, невысокого роста Ниночка. Невидная такая, хотя и симпатичная, если приглядеться. И Татьяна - смуглая, черноволосая, а глаза ярко-голубые. Мама была настоящая красавица. Но и Ниночка, и мама, и Нина Васильевна, которая тоже была красивой женщиной, даже состарившись, оставалась стройной, прямой, и глаза у нее были такие же ярко-голубые, как у мамы - все они жили без мужчин.

Кто был папой Татьяны и Ниночки? Нина никогда не спрашивала об этом. Никаких фотографий, разговоров, случайных обмолвок на эту тему в доме не было. Кто был папой самой Нины? Это тоже было неизвестно...И почему у Ниночки отчество Николаевна, а у мамы - Сергеевна? А у Нины - Михайловна?

Дома Нина поставила ботинки под батарею, хотя еще не топили. Она подумала, что сделала это машинально, так бабушка приучила поступать с мокрой обувью. Бабушка любила Нину. Несомненно, любила, но почему-то рядом с ней было неуютно. Нина чувствовала себя, как на экзамене, который постепенно проваливается, хотя вроде бы готовилась.

В бабушкином взгляде всегда была грусть, как будто Нина - это не совсем то, что она ожидала увидеть, но что делать, приходится терпеть...

Платье для выпускного вечера перешили из старого маминого. Оно было нежно-голубого цвета. Нине очень нравилось. Но мама была маленького роста, а Нина пошла в бабушку - вымахала до 175 см. В ее классе таких высоких больше не было. Она своей «дылкости» очень стеснялась, сутулилась даже.

В общем, материала хватило только на очень короткое платье. В конце 70-х в моде было «миди» - чуть длиннее колена, а для выпускного - и «макси» - то есть до щиколоток. Девочки в

классе обсуждали шелк или атлас. Нинино было из кримплена в диагональный рубчик. Когда его снимали, оно трещало и искрило.

От короткого платья Нина сумела отказаться и проявила невиданную ранее стойкость. Ее убеждали все. Каждая на свой лад. Мама шутила и пыталась представить все, как забавную игру - «все будут в длинных, а ты вот...Явишь миру свои стройные длинные ножки», Ниночка тянула вечную песню о том, что «в ее время вообще, никаких выпускных платьев не было», бабушка строго заметила, «почему это из-за какого-то выпускного платья столько разговоров?». Но именно бабушка и нашла выход из положения. Кстати, почему нельзя было купить другую ткань? Об это Нина даже и не думала, принимая все как должное - так было принято в их семье.

Бабушка предложила сделать в платье кружевную вставку. «Кружевную?» - вскинулась Ниночка. - «Интересно, где это мы найдем кружева?».

Бабушка зашла в свою комнату и вернулась через несколько минут с картонной коробкой нежно-розового цвета. Коробка была перевязана атласной коричневой лентой. Все это было так невиданно, что и Нина, и Ниночка, и мама замерли от удивления.

Бабушка торжественно развязала эту блескучую шоколадную ленту и стала доставать из коробки тончайшие носовые платочки с золотистыми вышитыми буквами в уголке («батист» - говорила бабушка при этом), куски плотной ткани, похожей на расшитый коврик («гобелен», - роняла бабушка), наконец, она добралась до полотняного полосатого мешочка, из которого достала несколько кружевных полосок. Кружево было разное - но все невероятно красивое.

Мама сидела на стуле и смотрела на бабушку. А бабушка явно любовалась своими богатствами. Она поглаживала эти кусочки ткани, как добрых коней, ощупывала их пальцами, рассматривала узоры.

- Может, у тебя и чернобурка от Алисы сохранилась? - вдруг спросила мама.

Бабушка вздрогнула и стала свои богатства складывать обратно в коробку. Получалось у нее это немного нервно. Но на мамин вопрос она не ответила.

Ниночка тоже промолчала. Промолчала и Нина, потому что привыкла не влезать с ненужными расспросами.

После некоторого обсуждения была выбрана кружевная полоска, которая потом стараниями соседки Анны Кузьминичны, бывшей портнихи из ателье Госплана (она об этом не упускала упомянуть даже в очереди за апельсинами), превратилась в кружевной пояс. Длина платья увеличилась на целых 10 см. Но даже это не сделало его вожделенным «миди», не говоря уже о «макси». Но упираться дальше Нина не могла. Платье и вправду было необычным и очень ей шло.

Самым поразительным было то, что за несколько дней до выпускного бабушкин брат привез ей белые лаковые туфли на высоком каблуке. А еще на них была серебряная пряжка...

Нина нашла их, когда вернулась с очередного экзамена. Когда она вошла в квартиру, бабушка стояла в коридоре и смотрела на нее торжественно. Из своей комнаты выглянула Ниночка: «Надеюсь, ты пятерку получила? А то тебя ждет сюрприз!».

Нина растерялась. Сюрпризы она получала нечасто. Каждый помнила, правда, не каждым дорожила...Так, на Новый год она обычно получала книги. Некоторые были хорошими, а некоторые - скучными. В третьем классе ей ужасно хотелось научиться кататься на велосипеде, она несколько раз намекала на это, но получила обычный сверток, в котором лежала книга. Это был том из собрания сочинений Аркадия Гайдара. Нина вежливо поблагодарила, но настроение было испорченным надолго. Велосипеда она так и не получила, хотя ездить на нем научилась. Тетя Надя научила. У нее был замечательный велосипед - складной. Очень удобный.

С ботинок накапало на пол. Газетку-то она подложить забыла! Бабушка сделала бы строгий выговор. Это точно. Стерильной чистоты в их доме никогда не было, но разговоры о порядке были постоянными.

Те туфли были великолепны. Но на целый размер меньше, чем надо. Все следующие дни Нина разношивала их, надев толстые шерстяные носки и налив в туфли одеколон «Шипр». Так посоветовала Анна Кузьминична, портниха из

ателье Госплана.

Рецепт был не слишком действенный, хотя некоторое время Нина в этих туфлях смогла передвигаться. Неудобно было то, что запах Шипра не выветрился, и от Нины разлило сладким дешевым одеколоном.

Ярко-голубое платье резко выделялось на фоне белых, слоновой кости, цвета чайной розы, шелковых и атласных. Но Нина все равно себя чувствовала счастливой и красивой, сама даже не понимая, почему.

Скорее всего, она невольно ловила удивленные взгляды одноклассников, их братьев и пап, пришедших на выпускной. Она встретилась и с глазами Александра Исааковича - их физика, молодого, ироничного и несколько загадочного человека, организовавшего в их школе агиттеатр - самое популярное место, в которое ходили только лучшие ребята. Александр Исаакович - в школе его звали АС (от сокращения Александр Серман) - посмотрел на Нину так, как тогда мама посмотрела на свою сестру - долго, внимательно, как будто увидев что-то неожиданное, новое в старом знакомом.

Через час туфли начали нестерпимо жать. Пришлось переодеть их, сменив роскошь на удобные разношенные босоножки.

Но Нине уже было все равно. Около нее пристроились два приятеля - Леша Будкин и Леша Дубов, главные клоуны класса. Они перешучивались и очень смешили Нину. Раньше они только списывали у нее на литературе и истории, а тут вдруг проявили такой бурный интерес.

После того, как посидели за столом (закуска была не слишком разнообразная: главным образом, бутерброды и вареная картошка), начались танцы. Директриса расстаралась и пригласила на выпускной какой-то ансамбль, как тогда говорили - ВИА.

Ребята играли громко, но музыка была заводная, веселая. Нина не очень умела танцевать и к тому же была на голову выше остальных девчонок. Поэтому как ей ни хотелось, она в пляс не рванула. Будкин и Дубов оставили ее, сопротивляться общему кругу они были не в силах. Время от времени часть ребят куда-то уходила, а после возвращения их движения

становились развязнее и нелепее. Через час Будкин умудрился упасть на пол и в таком виде он все равно продолжал танцевать. Нина сидела в своем ярко-голубом платье с бабушкиными кружевами, пыталась веселиться, но на самом деле смертельно скучала и чувствовала себя особенно чужой и никчемной. Почему-то уйти было нельзя. Школу заперли до 4 утра.

Учителей в актовом зале, где проходил выпускной почти не было. Время от времени кто-то заходил и включал свет. Но затем свет снова гасили, и веселье продолжалось.

После 12 ВИА вдруг все чаще стало тянуть длинные грустные песни. Под них полагалось раскачиваться из стороны в сторону, прижавшись друг к другу. Это называлось «медляк».

При первом объявлении «медленного танца» к Нине подошел Дубов и пригласил ее на танец. Нина растерялась, она никогда не танцевала «медляков», впрочем, и быстрых танцев она никогда не танцевала тоже...Поэтому решила, что лучше вежливо отказаться, сославшись на то, что не танцует - в принципе, вообще, никогда не танцует. Дубов не стал настаивать и отошел, несколько пошатываясь. Через полчаса Нина увидела, как он растянулся на стульях, сдвинутых в угол зала, и заснул. «Что это с Дубовым?» - спросила она у присевшей рядом одноклассницы, которая обмахивалась газеткой. В зале стояла страшная духота. «Да перепил», - насмешливо сказала одноклассница. Это прозвучало так буднично и так по-взрослому! «Перепил» - это Анна Кузьминична о своем муже говорила иногда. А тут об однокласснике с пышным курчавым чубчиком...

Нина почувствовала, что ей стало еще скучнее. Она решила попробовать выбраться домой. Вышла из зала, прошла по темному переходу к двери и вдруг столкнулась с АС - ом.

Он стоял у открытого окна раздевалки и курил.

В раздевалке было темно и пусто. На крючках висело несколько забытых мешков со сменкой.

«Нина», - сказал АС. - «Иди сюда!».

И Нина подошла.

АС погладил ее по волосам. В отличие от других девочек, Нина в парикмахерскую не пошла, сложных завивок делать не стала, а просто распустила привычные хвостики. Ее волосы

были не очень густыми, но волнистыми - и Нине самой нравилось, как они свободно болтались у нее по плечам.

В холщовой сумке с надписью «Budapest», подаренной тетей Надей, болтались новые лаковые туфли. Нине было страшно жаль, что она не догадалась их надеть снова.

Растоптанные босоножки были ни к месту в такой момент!

АС был одного роста с Ниной, но он опирался на подоконник и поэтому смотрел немножечко снизу. Глаза у него были темные и маслянисто светились в полутьме. А взгляд ... Взгляд был такой странный, как будто АС просил о чем-то.

Нину ужасно смущал и этот взгляд, и запах «Шипра», который шел из мешка с туфлями. Вообще, ей было неудобно стоять в этой раздевалке, в которой однажды ей порезали бритвой рукава совсем новой куртки. Хулигана так и не нашли, а Нина еще два года ходила с заплаткой. Настроение было испорченным, и радость от покупки куртки пропала, не начавшись ...

Наверное, надо было что-то сказать, но Нина не знала, что.

АС был красивым и очень популярным в их школе. Нина слышала, что те, кто ходит в агиттеатр, собирались иногда и у него дома. Постепенно эта компания стала какой-то отдельной и особенной. Те, кого туда не впускали, завистливо сплетничали на переменах о разных приключениях, случившихся то с одним, то с другим членом этого закрытого клана.

А сами агиттеатровцы передвигались по школе с легким налетом усталой иронии, смотрели свысока на разные события, позволяли себе отказываться отвечать, ссылаясь на занятость, гастроли и подготовку к очередному конкурсу. Виталик Зимин, звезда агиттеатра, вообще, с обидой говорил на любой вызов к доске: «У меня конкурс, Марина Станиславна! Вы что?». И Марина Станиславна с пониманием вздыхала и...вызывала другого, менее занятого общественно-полезным делом.

Нину завораживал агиттеатр, ей нравились ребята, которые там занимались. Ей нравилось, как они разговаривали между собой, она видела, что им часто было по-настоящему весело, когда они вспоминали о своих поездках по разным подмосковным городкам.

Но у Нины были репетиторы, репетиторы, репетиторы, и она не имела времени ни на что, кроме подготовки в Университет.

Увы...

Почему-то воспоминания не приносили ей радости. Грустно только от них становилось и всё. Грусть сковывала душу, отвлекала от реальности. Вокруг как будто шел долгий фильм - панорама. Такое кино показывали в одном из павильонов в парке «Сокольники». Ты стоял в центре круговой комнаты, а вокруг шли документальные кадры чужой жизни.

В ту выпускную ночь ничего не случилось. В раздевалку вбежала Аня Соболева - главная актриса агиттеатра и позвала Аса петь под гитару. Ребята собрались в радиорубке над актовым залом. Звали не всех. Только «своих». Нина в их число не входила. АС улыбнулся Ане и пошел за ней, даже не оглянувшись. А Нина...Нина села на подоконник и задремала. Так до утра и просидела. Вышла на улицу под дождь, теплый дождь, июньский теплый дождь, а вот, подишь ты - промокла и заболела.

А дальше началась суета с поступлением, воспаление легких, больница. В Университет не поступила. Куда дальше - бабушка не придумала. Решила, что годик поработает. Пристроили в мамино технической издательство. Сначала курьером, потом корректором. Так и прикипела она к этому месту. Было удобно: мама рядом, Нину все сразу приняли, даже полюбили. Вместе с коллегами праздновали дни рождения, 8 марта, Новый год. Новый год особенно весело и с изюминкой. Нина отвечала за это. У нее получалось! Все ее хвалили, благодарили, и уходить куда-то от таких милых близких людей никуда не хотелось.

В жизни были не только праздники, но и поездки в разные интересные места - экскурсии по Золотому кольцу, отдых в Крыму, морские купания в санатории в Адлере.

Как-то собрались и рванули с мамой в Тунис. Замечательное путешествие получилось! Нина поймала себя на мысли, что не от всех воспоминаний ей становилось грустно. Некоторые вызывали улыбку и тепло в душе. Вот Тунис как раз

и был таким воспоминанием.

«Это будет листочек моего амариллиса», - решила Нина. С этого момента она начала игру - составляла свой цветок из лепестков приятных воспоминаний. Дорога домой становилась короче.

Нинино издательство еле выжило в годы перестройки, но выжило. Его сокращали, перепродавали, перепрофилировали. Но все же за ним остался кусочек пространства на северо-западе Москвы, остались и несколько самых стойких и преданных сотрудников. Нина в том числе. Работа стала частью ее жизни. Она чувствовала себя в ней как рыба в воде. Документальная кинопанорама чужой жизни ее не влекла.

По дороге от остановки до дома Нина зашла в магазин. Купила хлеба, кефир, несколько глазированных сырков и парочку апельсинов. Идти было недалеко, но почему-то весь день щемило сердце, каждый шаг давался тяжело.

В подъезд Нина вошла вместе с молодой парой, парень нес горшок с цветком. В лифте Нина разглядела - амариллис!

Решила, что это знак. Хороший. Долго копалась с ключом. Не хотела никого беспокоить звонком. Вошла. Поставила ботинки под батарею. Есть не хотелось. Она села на стул на кухне, не включая свет. Мама дремала у себя, а Ниночка смотрела очередное шоу по телевизору, она к ним пристрастилась после смерти бабушки. Та бы такое мешанство не допустила.

Перед глазами снова возник изящный граммофончик амариллиса. Какой лепесток еще могу в него вставить? Нине вдруг стало тяжело дышать. Сердце сильно-сильно сжалось. Надо бы маму позвать, да будить не хочется. Так тяжело она засыпает. Боль стала невыносимой. И вдруг...все отпустило.

Когда Татьяна Сергеевна прошла на кухню налить водички, Нины уж полчаса как не было на свете.

Многоточие

Весь мир - не большие слова...
Белла Ахмадулина

*И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.*
Борис Пастернак

Алексей поставил точку. Откинулся на спинку кресла (облезлого, но зато насиженного!) и решил, что может отдохнуть. Правда, в его запакидище это сделать не так легко - даже до продавленного дивана надо добираться через сталагмиты старых журналов и книг.

Сколько раз он собирался навести порядок... Но через 10 минут руки опускались: и яблочный огрызок продолжал сохнуть на полу, чашка прирастала к столу, луковица, сунутая в стакан, исправно выбрасывала зеленые стрелки, которые увядали...И так далее - все по списку убогого жилья стареющего, никому не нужного бывшего инженера.

Соседка по квартире тоже была не лучше. Сердобольная пьянчужка, она притаскивала с улицы брошенных котят и щенков, кто-то из них помирал, кто-то сбегал обратно в вольное житье, но штук восемь разномастных друзей человека всегда бродило по их и так узкой и тесной квартирке на первом этаже дома на окраине Подольска.

Кругом шла стройка высоченных домов, разъезжали огромные машины неизвестных Алексею марок, ходили люди, разговаривающие сами с собой (он только недавно понял, что это телефоны такие теперь), а их дом время как будто обходило стороной. Все в нем было так, как почти тридцать лет назад, когда Алексей притулился в небольшой комнатенке с геранями на окнах и с фотографиями в рамочках на стене. Здесь жила тетя Паша, приютившая вернувшегося из заключения молодого инженеришку.

Они вместе работали в одном из многочисленных

московских НИИ (это сокращение когда-то было популярным предметом шуток, а сейчас молодежь и не поймет, о чем речь, пожалуй...).

...Алексей все же пробрался к дивану. Диван тоже остался от тети Паши, как и два стула с гнутой спинкой, и полированный шкаф. Новым было крутящееся кресло, отданное Алексею соседом с третьего этажа. Вместе с креслом он получил и свое главное увлечение - компьютер. Старый, громоздкий, но действующий. Соседов сынишка научил его пользоваться Интернетом и даже шепнул пароль своего вай-фая.

Все это завораживало и не давало впасть в окончательный анабиоз. Казалось, что ты постоянно на связи с миром, просто мир другой - его нельзя потрогать и понюхать, но от этого он не хуже. Наоборот, в этом новом мире все время кипели страсти, возникали знакомства, этот мир был гораздо шире того, за окном - неустроенного и чужого, живущего по малопонятным законам.

... Вернувшись в начале так называемых «бурных 90-х» из заключения, Алексей так и не смог встроиться в эту стремительно изменившуюся жизнь.

Кто-то из его однокурсников и коллег попытался стать бизнесменом. Кто-то тянул привычную лямку, пока их НИИ (научно-исследовательский институт то есть) окончательно не скис и в конце концов самоуничтожился, вытесняемый из здания разнообразными конторами, которые чем только не торговали.

Кто-то уехал искать лучшей доли в «цивилизованных странах». У Алексея внутри образовалась пустота, вокруг будто шло странное мутное кино. Жизнь была похожа на целлулоидную пленку, и люди на ней были целлулоидные, и небо, и земля...

Алексей как-то пришел к институту, потоптался на углу. Мимо проходили в основном незнакомые, усталые угрюмые люди в черных и серых куртках. Кого-то он узнал, но не решился окликнуть. А сам, видимо, изменился до неузнаваемости.

Но тетя Паша, случайно увидевшая Алексея, сразу признала его...

Ох, тетя Паша, тетя Паша...

Эта приземистая квадратная крикливая уборщица была таким же неотъемлемым экспонатом их НИИ, как огромная пыльная пальма в холле, как запах прогорклого масла в столовой, как неисправные бачки в туалете и нацарапанные чем-то острым непристойности на стенах курилки. Тетю Пашу знали все, и ей везде был доступ. Она могла вторгнуться к начальству посреди совещания и потребовать поднять ноги, могла прервать дружеский матч по настольному теннису, потому что ей вдруг припичило помыть под столами...

Уборка требовалась везде, поэтому тете Паше не нужен был особый пропуск во всякие тайные кабинеты. Даже в тот, где стоял копировальный аппарат.

Тетя Паша, копировальный аппарат и Алексей причудливо соединились однажды. Правда, тетя Паша после этой истории продолжала драить полы в этом самом НИИ, копировальный аппарат через несколько лет был списан и исчез неизвестно где, а вот Алексей оказался сначала в тюрьме, а потом и в колонии где-то под Нижней Тавдой.

...Полгода назад тетя Паша умерла. Ее сестра, с которой тетя Паша коротала свой век в деревянном домишке недалеко от Рязани, передала через своего сына несколько слов: «Пашка перед смертью все Лешу этого вспоминала, простить себе не могла, что в тюрьму парня засадила, дочка без отца выросла. Пусть зла на нее не держит, на могилку приедет, постоит».

Алексей был тронут этими словами. Зла он на тетю Пашу не держал. Да и какое зло, когда уже много лет занимал ее комнату - причем на законных основаниях. Тетя Паша, вызвав у соседей, как все по-правильному оформить, сделала Алексею такой подарок - жилплощадь (и недалеко от Москвы!), а сама уехала к сестре своей Надежде, вдовой молчаливой женщине, занятой огородом и курами. Как уж там они жили, неизвестно. Только тетя Паша не звонила, не приезжала больше никогда. Телефона в их квартире не было. Надеждиному сыну пришлось приехать к Алексею, чтобы эти слова передать. В комнату тот заходить не стал, брезгливо постоял в коридоре. Мимо шныряли коты и безымянная собака со страшным ожогом на боку. Алексей тоже не нашел, что сказать...Промямлил невнятно:

«Да...Ну...что ж...». Надеждин сын - справный такой, крупный мужик - посмотрел на него внимательно и презрительно, развернулся и ушел.

Алексей понял, что даже не спросил, а где, собственно, кладбище. Ночь промучился, а потом и позабыл обо всем.

Но вот месяц назад в нем появился, как бы это поточнее сказать ...голос. Да, именно голос. Настойчиво напоминал этот голос о самых разных вещах. О немытой посуде, о грязи в комнате, о невыполненных обещаниях, о просроченном паспорте. О том, что так и не съездил поклониться тете Паше, кров ему давшей и утешившей в самую трудную минуту.

Алексей попробовал записать, что говорил ему Голос. Перечитал - понравилось! Постепенно втянулся, и даже один день не пошел на «работу» - он подвизался на маленьком рыночке возле станции - в качестве сторожа, продавца, мусорщика, грузчика. Станция была недалеко, это тоже устраивало. Не надо было тратить деньги на дорогу.

...Текст получался не очень связным. Что-то за эти годы и подзабылось, но все равно, благодаря «книге» (Алексей так теперь называл свое дело: «пишу книгу»), многое как будто приблизилось и снова стало ярким и осязаемым.

Зазвучал смех, засверкали брызги воды на Москва-реке, куда ездили студенческой компанией купаться, затрещали полешки, подброшенные в небольшой костерок.

Прошлая жизнь не казалась целлулоидной, она была полна чувств и мыслей. Однажды Алексей разрешил себе записать то, о чем запретил даже думать. Лия...

...Нежная кожа, синие глаза, впадинка на шее - трогательная, такая трогательная, что в горле перехватывало от умиления и жалости какой-то к этой девочке-женщине. Хрупкая, маленькая, а волос на четверых - грива! Кудрявые каштановые волосы рассыпались свободно по плечам, а когда попадали под солнечные лучи, сияли короной.

Лия была женой лучшего друга. Марк Коган - звезда их школы на окраине Москвы. Золотой медалист, победитель Олимпиад, спортсмен, красавец. Марк разрушал все стереотипы об отличниках. Он прекрасно бегал, плавал. Когда пошла мода

на каратэ, раздобыл где-то специальную форму для занятий и ездил на другой конец Москвы в подпольную секцию. Он, вообще, умел находить всякое необычное, доставать недоступное и все при этом делал с легкостью, радостно и улыбочиво. Глаза у него тоже были синие, а зубы белые.

Алексей жил с Мариком в одном доме, в одном подъезде, на одном этаже. Их матери не то, чтобы дружили, уж больно Алла Марковна была независимой и «другой»: курила какие-то иностранные сигареты, могла и матерком пустить, рассказывая неприличный анекдот, кои обожала. Вела она странную жизнь - тоже не такую, как все вокруг в их почти подмосковном захолустье, у кольцевой дороги. На работу не ходила, это к ней приходили женщины, лица они закрывали, натягивая капюшоны или опуская головы вниз, потом прошмыгивали в квартиру. Алла Марковна обычно выходила на площадку и оглядывалась по сторонам. Это Алексей несколько раз видел...Стыдно сказать: подглядывал в глазок. Так его все интересовало, что было связано с Коганами. Эта семья привлекала своей необычностью, странной вседозволенностью, а прежде всего - свободой. Мать Алексея помогала Алле Марковне мыть окна по весне. Та ей в ответ дарила французские духи, отдавала свои старые шмотки. Старые, но какие красивые! Мать их примеряла, но никогда не носила. В детском саду, где она работала бухгалтером, просто не поняли бы темно-зеленого брючного костюма или блузки с сильно открытой спиной. Отцу эта полудружба страшно не нравилась. Он хмыкал недовольно, когда в гости приходил Марик, а уж когда заглядывала «глотнуть кофейку» сама Алла Марковна, демонстративно уходил с кухни.

Алла Марковна оглядывала его внимательно и насмешливо, поднимала тоненькую нарисованную бровь и качала головой. Мать виновато суежилась у плиты, подхихикивала: «Мужик! Прораб! Медведь! Что с него взять?».

Как-то, когда Алексей уже заканчивал школу, его отпустили пораньше - надо было собраться на какую-то очередную комсомольскую «толкотню» (так бабушка называла различные собрания и походы, куда Алексея, как комсорга класса постоянно засылали). Лифт сломался, и он тащился с тяжеленным портфелем на свой 11-й этаж. На площадке 10-го

услышал, как хлопнула дверь, и голос (низкий, глубокий, хриплый голос Аллы Марковны) прожурчал: «Ну все! Ну иди, ну хватит тебе!». Потом смешок. Потом звук поцелуя...Алексей почему-то замешкался, смутился, а когда поднял голову, увидел, как его отец зашел в их дверь. Алексей тогда сел на ступеньки и долго не мог заставить себя войти в дом. Что-то разрушилось в нем. И больше никогда не восстановилось...На отца он больше смотреть не мог, да тот особенно и не стремился к общению. Сына своего, долговязого и нелепого, считал маменькиным сынком. Масла в огонь подливала бабушка, которая зятя ненавидела и иначе, как «этот» не называла.

Все в их доме было серо и скучно. Отец молчал. Мать вечно суежилась. Бабушка жаловалась. Алексей все чаще засиживался у друзей. Особенно у Марика. Хотя у Марика можно было не всегда. В эти дни Марик просто говорил: «Сегодня нельзя. Мать работает».

Чем занималась Алла Марковна, и что за женщины приходили к ней - все это оставалось тайной, никогда не обсуждалось, как и отсутствие отца Марика. Просто никогда эти темы не поднимались и все! Марик умел вот так: не говорить, о чем не хотел, не отвечать на вопросы, и при этом никого не обижать. Улыбка у него была такая - веселая, добродушная, открытая.

Марик погиб. Алексей об этом узнал по Интернету. Американские друзья Марика выложили некролог. Что случилось, Алексей так до конца и не понял - вроде бы машина сбила, или он был на машине. Тупая нелепость. Он так рвался в Америку, в Калифорнию. Рассказывал, как там хорошо и мечтал, что когда-нибудь созовет всю компанию в свой собственный дом на берегу океана. Много лет Марика нет. А Алексей живет в маленькой комнатке с давно немытыми окнами и пишет книгу. Книгу о Марике, о себе, об Алле Марковне и теперь вот, когда разрешил себе это - о Лии.

...Марик закончил школу с золотой медалью. Он одинаково хорошо писал сочинения, решал химические уравнения, отвечал у доски на уроках географии и истории, чертил, пел, прыгал в длину, отжимался и подтягивался. Даже автомат Калашникова на уроках начальной военной подготовки разбирали быстрее всех. К выпускному он был на особенном

подъеме. Самая красивая девочка их школы не устояла перед Мариковой улыбкой, и теперь они всюду ходили за ручку.

Все разговоры были о поступлении. Алексей с Мариком решили поступать в МИРЭА - этот вуз тогда гремел и казался самым современным. Электроника! Наука будущего!

Что случилось на экзамене, Алексей так и не понял. Марика спрашивали очень долго. Так долго, что Алексей успел, получив свою законную пятерку - физику он ЗНАЛ! - спустился вниз и прогуливался во двореке перед институтом. На улице было пасмурно, прошел летний дождик. В лужах купались воробьи. На душе было очень спокойно и тепло. Впереди, конечно, было еще несколько экзаменов... Марик-везунчик, благодаря золотой медали, мог сдавать только один, но обязательно на пятерку.

Марик вышел из института неузнаваемым. Это был другой человек. Серое лицо. Узкие глаза. Невидящим взглядом он проскользнул по Алексею и пошел к метро.

Алексей пошел за ним. Шли молча. Почему-то было ясно, что говорить нельзя. Нельзя и все...

Так молча доехали до их дома. Поднялись на лифте. Марик достал ключи и повернулся к Алексею: «Ну что? Хочешь ведь, чтобы я все рассказал?». Алексей кивнул.

Дома у Марика они пили французский коньяк, а потом Марик достал кубинские сигары! В общем, шиканули они тогда. Рассказ Марика был краткий, односложный. Главное было, что его не приняли. Пятерку поставили, но с условием, что поступать в этот вуз он не будет.

«Но почему?» - пьяно мычал Алексей. Он алкоголя не воспринимал, а тут не мог не выпить. Его мутило, в голове все стучало. Мариково лицо то расплывалось, то исчезало.

На следующий день Алексей вспоминал, как Марик перетащил его домой, уложил спать. Родители уехали в Воронеж на юбилей к маминой тетке. Квартира была пустая. Утром ужасно болела голова. Он напрягался, восстанавливая слова Марика: «Понимаешь, так и сказал: вы же еврей...Вам сюда нельзя...». Марик стискивал зубы, кажется, заплакал бы, да не мог от злости даже заплакать.

...Алексей решил попить чайку. Питался он, что называется, всухомятку. Иногда варил себе пельмени, или кашу гречневую. Но в основном перебивался бутербродами и яблоки грыз. Яблоки доставались бесплатно от Регины, у которой на рыночке станционном подрабатывал. Гнилые бочки вырезал, и отличные яблоки получались...

Яблоки грыз и вспоминал, как встретились с Мариком в конце октября. Летом они виделись мало. Марик уехал к родственникам в Одессу, от Аллы Марковны Алексей узнал, что он решил поступать в строительный. Это было странно: про этот вуз все говорили почти презрительно, называли «заборостроительный». Алексея закрутила студенческая жизнь, группа попала в веселая, заводная. Он сразу как-то влился в актив, в начале сентября сходили в поход на Валдай, потом частенько собирались в общежитии. В группе училась Вера - красивая, степенная, с густой русой косой. Вера приехала из Новокузнецка. Таких в Москве и не водилось уже. Голова Алексея кружилась, он подумывал о свадьбе, только привести Веру было некуда: они жили с бабушкой в одной комнате, в другой теснились мать с отцом.

Октябрь был пасмурный, холодный. Алексей мерз на остановке. Марика он увидел издали. Тот был в классной кожаной куртке, он всегда очень модно одевался - в основном, в заграничные шмотки. Откуда он их брал, было неизвестно и тоже никогда не обсуждалось.

Марик осунулся, на щеках была щетина - во всем его облике было что-то другое, чужое. Они дружили с первого класса. Играли в шашки (особенно в поддавки), слонялись по району, слушали маг, болели за «Спартак», обсуждали всякие школьные новости, и вот так легко разошлись, несколько месяцев не встречались и, получается, что даже не скучали.

Как же так?

Марик протянул ему холодную руку, вяло пожал и снова засунул ее в карман.

Они перекинулись парой ничего не значащих слов. Вместе доехали до метро. Но после той встречи как будто снова заработал маховик дружбы. Марик влился в компанию Алексея,

тот даже заревновал чуток, но Марик, заметив это, спокойно объяснил, что девушка друга - для него святое, просто Вера общительная, обаятельная, веселая - вот он по-дружески за ней и приударил слегка. Алексею это объяснение почему-то было ужасно приятно. Отношения с Верой были очень спокойные. Она никогда на него не обижалась, не требовала, как другие девчонки постоянного внимания, но каждый раз охотно приходила на свидания, отзывалась на нежности, с которыми Алексей начал робко, но настойчиво к ней приставать, когда выдавался случай - в кинотеатре, на вечеринках. Один раз у них был целый вечер вдвоем в комнате в общежитии, где жила Вера. Ничего серьезного тогда не случилось. Алексею очень-очень хотелось этого, но все оказалось не так просто...

На следующий день он не выдержал, пришел к Марику и поговорил с ним обо всем. Марик, как всегда, просто и ясно, без пошлостей, которыми обычно другие ребята такие разговоры сопровождали, рассказал про разные детали, тем не менее, весьма необходимые и важные.

«А у тебя уже было?» - спросил Алексей. Так у них завелось с самого начала - про эту сторону жизни никогда не говорили. Про спорт, про жизнь, про планы на будущее, а вот про девчонок - не-а...

«Да», - коротко ответил Марик. И все.

На втором курсе Марик стал пропадать, ходил куда-то, как он называл «по одному дельцу». Потом взял академ. Уехал в Ленинград (он называл его Питер) - там жила какая-то его родственница. Вернулся через две недели совсем отчужденный, молчаливый. Но как-то позвонил вечером и позвал прогуляться. «Поговорить надо».

... Почему тот вечер - обыкновенный сырой московский вечер с тусклыми фонарями и лужами, чувством неуютного, пронизывающего холода - запомнился на всю жизнь?

Складывая заново калейдоскоп своей жизни, Алексей видел, что некоторые стеклышки-события были маленькими и почти незаметными, а некоторые сияли ярко. Но даже без самого маленького стеклышка жизнь оказывалась неполной, и картинка распадалась...

О чем они тогда говорили...Обо всем! О том, что в Питере много интересных компаний, что там слушают и играют какую-то новую музыку. Русскую, но непохожую на все, что привычно было слышать. Что Марику удалось поговорить с теми, кто «понимает». Он сказал об этом так значительно, что Алексею даже стало немного завидно, захотелось самому быть признанным в праве на «понимание».

Главное, что стало ясно - Марик уже не тот. Его волнуют другие проблемы, даже в голосе появилась какая-то неприятная ирония. Алексей попытался рассказать о своих делах, услышав фразу «У нас на бюро...», Марик как-то особенно неприятно ухмыльнулся.

Но уже дома сунул ему пачку фотографий. Предупредил: «Только никому! И спрячь понадежней». Странное чувство возникло тогда - не нужны были эти фотографии, не нужны и не интересны. У Алексея была своя жизнь. И она ему, в общем-то, нравилась...Но ему доверили тайну! Доверие поднимало Алексея в собственных глазах. Он понял, что чем-то стал отличаться от своих однокурсников, да и от людей в автобусе - тоже. Он оказался причастным к какой-то другой жизни - таинственной, полной опасности, запретов, договоров, паролей. Это была не игра. Что-то более значительное и важное, чем даже его жизнь.

...Теперь Алексей понял, что с того вечера и начался поворот в его судьбе. Не тетя Паша... бедная, извела себя укорами...Нет, не она сломала, перевернула его дорогу. Он сам сошел с нее, когда взял ту пачку с фотографиями, которые перебирал потом, накрывшись с головой одеялом. На фотографиях были тексты. Он прочитал о какой-то Хельсинкской группе. Читать было тяжело. Буквы расплывались или были слишком мелкими. Фотобумага заворачивалась по углам. Ничто, из того, что прочитал Алексей, не казалось ему поразительным или особенно мудрым. Он вообще-то не очень любил слова и не очень к ним прислушивался. Вот цифры - это другое дело. В цифрах были логика, стройность, порядок. У них дома о политике не говорили. Но и Советской властью не восхищались. Бабушка как-то разоткровенничалась, рассказала, как их семью раскулачивали. Слушать было страшно. Увидев,

как Алексей сжался от чудовищных подробностей, она больше к этому разговору никогда не возвращалась.

В комсомольское начальство Алексей никогда не лез. Но он хорошо учился, был спокойным и ответственным. Всего этого было достаточно, чтобы на него вешали всякие комсомольские дела - собрать взносы, провести собрание, сводить класс, а потом группу на овощную базу. Мода была такая - помогать сельским труженикам.

...В голову лезла всякая чепуха. Как будто огрызки от яблок, сохнувшие на подоконнике, около дивана, на столике с компьютером, залезли в голову и тоже жили там. Хотелось сосредоточиться на главном. Главным было - понять судьбу. Свою судьбу. Понять, что случилось с его жизнью. Почему вдруг она развалилась и больше так и не собралась в единую и сильную, похожую на дорогу, которая ведет вперед и вперед...

Алексей видел на станции таких людей с развалившейся жизнью. Они спали, где придется, они ели то, что находили в ящиках на помойке. Они и на людей-то похожи не были. Он был другой. Он не пил. Организм не воспринимал алкоголя. Он много думал. Он читал. Не то, чтобы очень много - больше любил пролистывать альбомы с картинками и фотографиями. Их пачками выбрасывали сейчас. Алексей не ленился прохаживаться возле помоек по утрам и находил там поразительно красивые книги.

И все же жизни не было.

Дочка уехала вместе со своей мамой в Германию. Жила теперь где-то в Мюнхене. Или во Франкфурте. Один раз к нему приехал посланец от его бывшей жены. Надо было подписать какую-то бумагу, Алексей не стал особенно вслушиваться в то, о чем говорил этот тип - зачем? Дочь, жена, семья... Это было отрезано и невозвратно.

...Дочка родилась через несколько месяцев после защиты диплома. Вера перенесла беременность легко, неплохо сдала экзамены. Все к ней, правда, были очень лояльны и неслильно мучили вопросами. Диплом за нее написал и начертил Алексей, поэтому свой сдал без особого блеска - не так, как ожидали. Аспирантура сразу же «накрылась». Накрылось и распределение в

одно закрытое конструкторское бюро - КБ, о котором он мечтал.

Тогда он думал, что не дотянул, сам виноват. Даже бросил Вере, которая не захотела с ним встретиться после заключения: «Я ж из-за дочки тогда карьеры не сделал! Я ж тебе диплом писал!». На что Вера неожиданно ответила: «Лучше бы ты поменьше к Мариковым друзьям ходил - вот к Решетневу бы и попал...».

Вера не очень жаловала Марика и мариковых друзей. Алексей почему-то думал - из-за ревности, а, может, обидно стало, что Марик перестал на нее внимание обращать. В гости он к ним не ходил: ходить, правда, было некуда. Они снимали комнатку в двухэтажном довоенной постройки домике на Тайнинской. Это было единственно, что они могли себе позволить.

...Последний преддипломный год был очень тяжелым. Летом погибла мать.

Они жили недалеко от железнодорожной станции. Мост в то время чинили. Люди, стремясь после работы домой, перебегали пути прямо по рельсам. У матери из сетки выпали сосиски. Она рванулась за ними - а тут электричка...

Бабушка не выдержала смерти единственной дочери. Инсульт. В октябре на кладбище появилась вторая могила.

Отец через полгода женился. Как будто ждал...

Алексею и Вере места в их малогабаритной квартирке не нашлось.

Но все же тогда было не так страшно и пусто, как теперь. Голова была занята суетой, бытом. Он бегал на молочную кухню, стоял в очередях за разным детским приданым, по выходным гулял с коляской по реденькому замусоренному леску недалеко от их дома. Светланка ... девочку назвали в честь Вериней матери. Это была еще одна заноза в сердце. Он очень хотел, чтобы назвали Галиной, в память об ушедшей так нелепо маме, но Вера настояла на своем. Она умела вот так - замкнуться, не спорить, но и не соглашаться и добивалась своего.

Светланка плохо спала, плакала, плакала, плакала. Ночи превратились в ад. Он шел на работу с гудящей головой. На летучках засыпал, не успевал со своими заказами, которые брал для подработки.

Но почему-то это время не вспоминается, как ад. Было

просто тяжело и все. Но не так страшно, не так пусто и бессмысленно, как в этом бардаке среди чужих фотографий и принесенных с помойки книг.

... Когда он вернулся из заключения, Светланке было 9 лет. Она училась в третьем классе. Вера с ним встретиться не захотела. Она вышла замуж. У нее родился мальчик. За те семь лет, пока его не было, Вера стала другой. В голосе появился металл. Она не написала ни одного письма, однажды только на свой день рождения он получил небольшую посылку. Там были пряники, печенье, теплые носки. Но ни слова...

А ведь, когда Алексея забрали, Вера сумела добиться свидания в следственном изоляторе. Светланку тогда оставила на Ирину Антоновну - квартирную хозяйку. Она была женщина не вредная, только очень ворчливая и требовательная к тишине. Светланка так громко плакала по ночам...Ох...Тяжелое все-таки было время. Тяжелое. Но почему же не больно его вспоминать? А оглядывать эту прокисшую комнату, эти пыльные занавески, эту луковичу в стаканчике - почему это так больно?

Не моя это жизнь, вот почему...Моя жизнь осталась «там».

За эту дверку он себе долго не разрешал заглядывать, а недавно заглянул. Больно было так, что не продохнуть. Но несколько секунд было сладко. В «там» были синие глаза Лии и ямочка посреди шеи, и корона из сияющих волос, золотящихся в лучах из окна.

Первый раз Лию он увидел в магазине. Мать отправила в соседний универсам за продуктами. Алексей ненавидел магазины. Но мать приболела, а дома уже было шаром покати. Алексей бродил по универсаму злой. От железной корзинки, которую он схватил при входе, отломалась ручка, и он был вынужден носить корзинку, как ребенка на руках. Это было нелепо, к тому же ботинки промокали, начинался насморк. Все было не так, хотелось залезть в постель, накрыться пледом и дремать. К тому же, что-то с курсовой у него не клеилось. Мрачный и кислый ходил он вдоль полок, заставленных трехлитровыми банками с яблочным соком, консервами, томатной пастой. А потом почему-то повернулся и увидел девушку. На ней было длинное зеленое пальто, похожее на

шинель. Она стояла с двумя батонами, прижимая их к этому пальто и смотрела так грустно-грустно. Алексей понял, что ей тоже все здесь не нравится, что у нее тоже мокрые ноги и начинается насморк. И что она - самая красивая девушка, которую он когда-либо видел на белом свете.

Вера была хорошая. С ней было легко. Она никогда ни о чем не спрашивала, не ждала подарков и развлечений. На Новый год, Восьмое марта, дни рождения он дарил ей шоколадки, записные книжки, ручки - всякую мелочь. Она радовалась и благодарила. С ней можно было помолчать и посмеяться. Она всегда была готова встретиться и не капризничала, как другие девчонки.

Как-то на втором курсе Алексей привел Веру домой. Бабушка оглядела ее, покачала головой и сказала: «Здрасьте, здрастьте...». Они сидели на кухне и пили невкусный пустой чай. Кухня была маленькая, стены покрашены масляной краской. Плитка над раковиной в одном месте откололась. Почему-то Алексей все это при Вере увидел, до этого как будто и не замечал...Бабушка входила на кухню, молча помешивала что-то в кастрюле и также молча уходила. От этого кухня становилась еще меньше и теснее. Вера засобиралась домой. Общежитие находилось на другом конце города. Алексей с тоской подумал, что надо проводить, а потом возвращаться снова через весь город. Ждать автобуса на этом ветру.

Но Вера решительно отказалась, сказав, что не маленькая, сама доберется. Он была несказанно ей благодарен, проводил до остановки, а когда снова оказался дома, услышал, как бабушка сетует вслух: «А на что жить будут? Это он подумал?».

Вечером состоялся тяжелый неприятный разговор. Отец отмалчивался, разгадывая кроссворд, но в его молчании все равно чувствовалась поддержка. Больше всех говорила бабушка, а мама смотрела на Алексея грустными укоряющими глазами. В разговоре возникла вечная тема московской прописки, девушек, приезжающих из всяких Нижних Переплюйсков, желая укорениться в столице. Стало ясно, что Вере семья не рада. Она это поняла, ни о чем, как обычно, не спросила. Они продолжали встречаться в кино, в общежитии, у друзей.

В семье тоже больше никто про Веру не спрашивал. Все оставалось по-прежнему, но на самом деле стало сложнее. Мать с бабушкой как будто начали тихую войну за Алексея, его внимание и свободное время. У него появилось много домашних обязанностей. Раньше отказ ехать копать картошку в деревню под Талдом, где у бабушки было полдома, воспринимался нормально. Надо учиться! Понятное дело. Сейчас начались обиды, со слезами, с валокардином. Если он все же отвоевывал себе право не ехать, до дома обязательно осталась или мама, или бабушка. Все это очень утомляло. Легче оказалось сдаться. С Верой они и так виделись каждый день на занятиях.

...Алексею стало душно от воспоминаний. Разбередила его память. Синие глаза Лии глядели всегда доверчиво и просто. С Верой было хорошо, но с Лией... с ней ничего было больше не надо. Алексей стихов не любил. Это были «слова» в квадрате, даже в кубе, а слова значили для него, человека, обожающего математику, очень мало. От Лии он был готов даже стихи выслушивать. Он не вдумывался в их смысл, просто следил за тем, как загорались глаза, как она переводила дыхание, как замирала, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Он решил выйти на улицу, подышать, отвлечься от шума в голове, от стука в сердце. Неужели нельзя забыть человека? И даже через много лет слышать, как гулко бьется твое сердце, когда вспоминаешь, как этот человек говорил, смотрел, улыбался?

На улице начиналась весна. Он терпеть не мог это время. Двор, и так не очень чистый, становился совсем неопрятным. На черном снегу разлагались собачьи какашки, деревья чернели, небо серело. Скамейки были холодные и влажные. Неуют его дома становился еще более пугающим. Он уходил из грязной, давно неубранной комнаты в такой же грязный и неубранный город.

А Лия, она любила весну. Однажды, когда он сидел возле нее на полу в «их» комнате, она гладила его по голове и тихо-тихо так роняла чьи-то прекрасные слова:

Весной, весной, в ее начале,

я опечалившись жила.

Но там, во мгле моей печали,

о, как я счастлива была,

когда в моем доме любимом
и меж любимыми людьми
плыл в небеса опасным дымом
избыток боли и любви.

Кем приходились мы друг другу,
никто не знал, и всё равно -
нам, словно замкнутому кругу,
терпеть единство суждено.

Кто был автором этих стихов, он не знал. Спросить постеснялся, всегда боялся выглядеть серостью в ее глазах. Но запомнил сразу и навсегда. Вместе со стихами о советском паспорте, о нашей Тане, которая громко плачет и историей о том, как «однажды в студеную зимнюю пору», эти стихи остались в нем и стали частью его души.

О том, что Лии больше нет, он узнал ровно через год после того, как не стало мамы. После поминок он остался у отца. Поздно ночью раздался звонок. Было плохо слышно. Алексей не сразу понял, что это был Марик. «Ты где?». «В Гродно». Алексей не сразу понял, зачем Марик оказался в Гродно. Это был родной город Лии. Почему-то стало понятно, что произошло что-то непоправимое. Он захотел повесить трубку и не услышать про это непоправимое и страшное. Но Марик его опередил: «Белка отравилась. Насмерть». Странно это звучало. Для других. Им двоим было понятно, что имел в виду Марик. Год назад Белку (так звали Лию в компании - по фамилии Белкина) откачали, когда она наглоталась каких-то снотворных таблеток.

...Алексей зашел в маленький полуподвальный магазинчик, где ему иногда отпускали в кредит хлеб и молоко. Он иногда помогал хозяину магазинчика разгружать газель с продуктами. Вагиф его ценил за то, что Алексей не пил. Русских мужиков этот маленький коренастый азербайджанец искренне презирал. Сам он благополучно содержал две семьи - одну где-

то на юге Азербайджана, другую тут, в Подольске. Всех своих четверых детей (тоже поровну - сын и дочь в Азербайджане, сын и дочь в Подольске) он искренне любил и помогал им «встать на ноги». Как Алексей живет без семьи, Вагиф не понимал и постоянно уточнял, так ли это на самом деле. У него самого, помимо семьи, в Подольске еще была любовница. Жизнелюбие этого коротышки поражало Алексея. Представить себе, что рядом будет «чужая» женщина, он не мог. После Лии все женщины были чужие. Вера была не женщина, сестра, друг. Привычка к ней была сильной. Но Вера предала. Не выдержала. А Лия умерла. Не захотела жить. Тоже не выдержала.

...Марик вернулся в Москву через несколько месяцев. Он был ужасно худой. Джинсы на нем висели мешком. По его версии Лия отравилась, потому что ей снова отказали в выезде в Израиль, а жить в «совке», как сказал Марик, она больше не могла.

Он все твердил: «Ее убили, убили. Это Софья Власьевна (так Марик называл Советскую власть) ее угробила».

Марик много курил. Под глазами темнели мешки. Алексей тоже выглядел не лучше. Бессонные ночи - недавно на свет появилась Светланка, которая громко плакала сутки напролет, жуткая тоска, которая не отпускала его после того звонка из Гродно, какое-то общее неустройство жизни - все это читалось на его лице, бледном, уставшем, поникшем. Вот так они и сидели у Марика дома. Марик подливал себе коньяк прямо в чашку. Курил. В соседней комнате слышался громкий голос Аллы Марковны, громко говорящей по телефону. Она сломала шейку бедра и теперь почти не могла передвигаться. Марик сетовал, что не может уехать никуда из-за матери. Он попытался было вызвать из Питера ее двоюродную сестру для помощи, но они не ужились, и сестра отбыла обратно. Алла Марковна не теряла оптимизма, целыми днями говорила по телефону. Продукты ей приносила какая-то ее давняя приятельница. Другая приятельница еженедельно делала ей маникюр и наводила чистоту. Неблагополучием в этом доме никогда не пахло.

Неблагополучие исходило только от Марика.

Институт он бросил. Попробовал разок восстановиться, но снова бросил. Чем занимался, на что жил - было не очень

понятно. Где-то числился. Говорил, что в артели реставраторов фарфора. Может, шутил, а может, и нет. Помимо теток, приходящих к Алле Марковне, к ним в квартиру стали заглядывать седые солидные мужики с большими черными портфелями.

То, что Марик не бедствовал, было ясно по его модным шмоткам, по такси, которые подвозили его к дому, по поездкам в Крым и Прибалтику. Несколько раз он звал Алексея в свои компании. Алексей почти всегда отказывался. Не потому даже, что не хотел. Просто некогда было. В институте учеба давалась не так легко, приходилось много чертить, да и денег свободных у Алексея не было. Одежда его была вполне унылая, купленная в соседнем универмаге. Он это понимал, но смирился, да и Вера принимала его таким - в серых мешковатых брюках, грубых ботинках, шапочке «петушок» и коричневой куртке.

Второй раз он увидел Лию... Когда же это было? Алексей задумался и услышал голос Вагифа: «Друг! У меня сегодня праздник! Сын родился!». Алексей чуть не спросил: «Где?». Но вспомнил, что давно не видел продавщицу Оксану, пухлую кареглазую хохотушку. Вагиф многозначительно смотрел в ее сторону, когда она заигрывала с посетителями. Странное дело, все это Алексей наблюдал, но ничто его не трогало, не забавляло, не поражало, он как будто постоянно смотрел неинтересное кино, сюжет которого он знал наперед. Кино было затянутым, однообразным, скучным.

«Поздравляю», - сказал Алексей как можно приветливее. Вагиф начал зазывать его за стол: праздник по случаю рождения нового Вагифовича разворачивался прямо в подсобке. Искушение пожевать чего-нибудь вкусенького на халяву было велико, но сесть за стол, накрытый прямо на ящиках, рядом с мрачноватыми друзьями Вагифа и двумя продавщицами, натужно пытающимися казаться веселыми, молодыми и свободными девчонками, почему-то было невозможно. То, что стучало у него в сердце, то, что болело в душе, синие глаза Лии, ее голос... Она немного картавила, «грассировала», как она говорила. Это ей очень шло. Как и все, что она делала, носила, любила.

Лия и этот стол были невозможны вместе. Алексей

вежливо отказался. Вагиф попытался обидеться, но потом сжалился - сунул ему в руку огромный помидор, добавил сверху огурец, схватил с тарелки бутерброд с сыром. Алексей так и вышел на свет божий из этого подвальчика с помидором, огурцом и бутербродом.

Я всегда был нелепый. Лия говорила: «Ты три НЕ: Нелепый, Не-уклюжий, Не-настный». Это потому что он вечно прихварывал, ходил, хлюпая носом и покашливая. Она говорила так, а он не обижался. Потому что потом...Потом она гладила его по голове и целовала в глаза. И говорила: «Но есть еще четвертое НЕ: Не- обыкновенный».

От этого было так сладко, что время останавливалось, другой жизни не было. Не было Веры, которая что-то поняв, замкнулась и только смотрела внимательно-внимательно, когда он, быстро одевшись, убегал после занятий. Не было маминых ночных ожиданий около подъезда, когда он возвращался поздно ночью. Она набрасывала плащ прямо на халат и так мерзла до тех пор, пока не дожидалась его возвращения. Не было Марика, с которым приходилось видеться - отказаться от встреч в их с Лией компаниях он уже не мог. Видеть Лию - это был его наркотик.

Второй раз он встретил ее в такой компании. Марик позвал его в очередной раз. Дело происходило в старинном доме на улице Грановского. Отец хозяйки квартиры был дипломат. Мать пела в Большом театре. Алексей страшно стеснялся, но почему-то пошел. Хм...Не почему-то - Марик пообещал познакомить его со своей новой девушкой. Сказал, что женился бы на ней хоть завтра, но не может - боится ее подвести, в его жизни слишком много риска. От кого-нибудь другого Алексей это слышать бы не смог. Опять «слова»... Но Марик говорил обо всем так серьезно и честно, что было понятно - не рисуется. Правда, много риска. В этом они были очень похожи с Лией. Она тоже могла посреди разговора начать читать стихи, и почему-то никто не начинал смеяться или останавливать ее. Все замолкали и слушали.

Она любила старые пластинки и могла заставить всю компанию сидеть возле патефона, который случайно застрял на какой-нибудь даче. Все, что она делала, было естественно и легко. Ей все шло - и длинное зеленое пальто, похожее на

шинель, и тяжелые туристические ботинки, и старый бабушкин платок с красными розами по черному полю.

...Вечеринка была довольно скучной. Они с Мариком припозднились - у Алексея были дела в институте, а Марик, как всегда, был занят чем-то, о чем предпочитал не рассказывать. Огромная квартира, в которую они попали, была заставлена шкафами с книгами и фарфоровыми статуэтками. В большой прихожей, Алексею она показалась «огромной» после его тесного коридорчика, в котором двоим не разойтись, стояло невероятное красное кресло в виде губ. В нем целовались в засос две девушки в блестящих платьях. Такого Алексей никогда в жизни не видел. Ему это не понравилось. Как не понравилась хозяйка дома с шальными глазами. Марик шепнул: «Уже укололась!». В большой комнате стоял стол с закусками, вазами с мандаринами. Это было тоже поразительно, мандарины Алексей всю жизнь ел только на Новый год. Бутылки шампанского, водки, коньяка. Громкая музыка. Кто-то танцует, кто-то курит, сидя прямо на полу. Марик куда-то пропал, так и не представив Алексея компании. Алексей походил по коридору, девушки в кресле продолжали целоваться. Он заглянул в ванную - там тоже кто-то сопел в темноте. Хотелось уйти, но почему-то было неудобно перед Мариком. Да и с девушкой он обещал познакомиться...

...Огурец шмякнулся прямо в лужу. Надо было его засунуть в карман, а он нес его так, как Вагиф положил...Он Не-уклюжий... Не-лепый...

...На кухне еще одна часть компании пела под гитару. Алексей постоял у дверей, послушал. Пели хорошо...Но все песни были незнакомые. В них не было ничего походного, кострового, что обычно поют под гитару.

Никто вокруг не обращал на него внимания.

Наконец он увидел Марика. Тот стоял прямо около целующихся в кресле девушек и набирал диск телефона. «Где твоя девушка?» - спросил Алексей. Ему уже все надоело в этой огромной квартирине, где никто еще не спросил его - кто он и зачем тут. Марик показал рукой на комнату справа и начал свой разговор.

Алексей зашел в комнату и увидел девушку в длинном

зеленом пальто. То есть нет, она была в черном свитере и джинсах. Но это была та девушка в длинном зеленом пальто с двумя батонами, которые она прижимала к себе, как маленьких детей. Она стояла у окна и смотрела вниз на двор.

Глаза у нее были синие-синие. Свет люстры падал на волосы. Они сияли и были похожи на корону.

...Алексей откусил помидор. Он был такой аппетитный. Его хотелось укусить. Сок брызнул на куртку. Куртка была старая. Досталась от соседа. С соседями ему повезло. Они попивали и дрались иногда, но были не жадные и не вредные. «Не везет мне в картах, повезет в любви» - эта примета сработала. Не повезло в жизни, зато повезло с теми, с кем живет в одном доме...

Алексей понял, что вдруг улыбнулся. Надо же, ведь он давно не улыбался. Как стал вспоминать о Лие, стал улыбаться...

...Они любили гулять по Коломенскому. Лия жила там недалеко у своей двоюродной бабушки, или у подруги двоюродной бабушки. Алексей никогда не мог понять этих сложных многоярусных связей. Бабушка эта прошла всю войну, курила «Беломор» по две пачки в день, могла пустить и крепкое словцо в разговоре. Отличная была старуха. Оглядев Алексея, она пустила его в коридор. Затем налила крепчайшего кофе, пододвинула тарелочку с печеньем и спросила: «Вот расскажите мне, есть ли такие телефоны, чтобы можно было без провода разговаривать?». Алексей растерянно посмотрел на Лию. Та захохотала. Оказывается, она рассказывала, что Алексей занимается электроникой, разрабатывает новые виды связи, хочет заниматься связью с космосом. Бабушка Фрида продолжала оговаривать его своими вопросами про инопланетян и летающие тарелки, про телепортацию и левитацию. Она читала все на свете. Всем на свете интересовалась. Но главное - она дала Лие ключи от комнаты своего соседа, который служил где-то на Севере. Бабушка Фрида поливала у него цветы и иногда смахивала пыль с мебели.

Эта комната стала называться «наша». Где Лия встречалась с Мариком, Алексей не спрашивал. Как и Лия не спрашивала про Веру, о которой все знала от того же Марика. Он любил иногда вставить что-нибудь: «Ну, Вера-то тебе

пуговицу не могла что ли пришить? Что-то она плохо за тобой смотрит...». Лицо Лии становилось в этот момент отчужденным. Она начинала щуриться, смотреть в сторону. Сердце Алексея щемило. Но оставить Веру было невозможно. Точнее - СОВСЕМ оставить. Ведь он практически с ней не виделся. Только на занятиях...Оставить Веру было невозможно, как и сказать Марику, что его девушка, та самая, на которой он хоть завтра бы женился, это ЕГО, Алексея, девушка. И ее синие глаза, и ее волосы, похожие на корону, и ее впадинка на горле, и нежные тонкие руки, и голос, грассирующий и неспешный - все это не Марика, а его, Алексея...

...Все началось странно. Марику нужно было куда-то бежать после того телефонного разговора в коридоре. Он пообещал вернуться, но так и не вернулся. Было два часа ночи. Метро не работало. Денег на такси у Алексея не было. Он как дурак, просидел возле Лии до двух ночи. Она расспрашивала его про институт, про друзей, про их дом в деревне. Они говорили про всякую ерунду. Про то, как в детстве боялись зубного. Про запах микстуры от кашля. Про страхи и пристрастия. Про то, как не любят сдавать экзамены.

«Два часа ночи», - сказала Лия. В комнате, в которой они сидели уже кто-то спал на кресле. На кухне продолжали играть на гитаре. Только слушающих осталось двое. Хозяйка квартиры не показывалась. Лия вдруг встала и начала собираться. Они вышли на улицу. Было начало весны. Лия сказала, что очень любит это время.

Вот так в начале весны все и началось...

...Я Не-лепый, я Не-уклюжий, повторял Алексей, перешагивая лужи. Я Не-счастливый. Он забыл это Не добавить. Я Не-счастливый. У меня нет моей части. Моей частью была Лия. Рядом с ней я был с-частлив. Я был целый и нужный.

Весь март тогда прошел как один день. Голова от любви кружилась. Мир съехался и стал размером в одну маленькую девочку, которую все вокруг звали Белкой. Белка училась в МГУ. Она изучала литературу. Хорошо знала немецкий. Даже этот резковатый язык звучал у нее мягко и приятно. Алексей любил, когда она что-то шептала ему по-немецки. Они валялись на

полковничьем диване. Потом выяснилось, что сосед был не полковник, а геолог. Но им нравилось представлять, что этот диван был военный, служилый, они даже придумали обращаться к нему: «Товарищ командир». Лия громко командовала: «Ррр-раздвигайсь!». Диван раскладывался, и начиналась любовь. Время останавливалось. Было хорошо, хорошо, хорошо, хорошо...

Про Марика они никогда не говорили. В этом они тоже были схожи. Умели не говорить о том, о чем, не хотели. Алексей принял это. Однажды он попытался что-то начать - предложить поговорить с Мариком, объяснить. Лия приложила свой тоненький бледный пальчик к его губам и сказала: «Т-ссс...». На этом все и закончилось. Часы свиданий назначала она. Она оставляла записки в почтовом ящике своей бабушки Фриды. Алексей ездил к этому ящику каждый день. У него ключик от ящика жил вместе со связкой ключей от дома. Однажды он потерялся. Колечко сломалось, и ключик упал. Алексей был готов заплакать...Таинственным образом ключик нашелся. Он преспокойно валялся в кармане пиджака. Все бы ничего, ну оторвался он и застрял в кармане. Но Алексей никогда не клал ключи в карман! Боялся, что подкладка прорвется. Все эти странные случаи Лия обожала и часто их перебирала в разговоре. Им снились общие сны. Они случайно встречались на улице. Они вместе произносили слова. Они были ОДНО.

...Я НЕ-счастный, не-счастный, не- счастный, повторял и повторял Алексей, идя к своей Голгофе - к компьютеру.

Бедная тетя Паша, она все думала, что жизнь мне сломала. Не она сломала, а девочка эта с синими глазами, которая приложила свой бледный пальчик к моим губам и велела замолчать.

...В мае Лия уехала к родным в Гродно. Алексей дернулся к ней. Приехал в Гродно, не зная адреса. Бродил по городу два дня. Заночевал у какой-то бабульки, с которой на автовокзале познакомился. Но Лию так и не встретил.

Вернулся домой, потерянный и усталый. Решился и позвонил Марику. Алла Марковна ответила, что Марик в Риге вместе со своей девушкой. «С девушкой?» - переспросил Алексей, во рту стало сухо- сухо. - «Ну не с дедушкой же», - хохотнула Алла Марковна.

Ревность тогда чуть не задушила.

Он поехал в деревню и перекопал весь огород. Бабушка нарадоваться не могла и все в глаза заглядывала: что же такое с внуком? Откуда такое пристрастие к работе в поле.

Но как вернулся, сразу поехал на Коломенскую. Хотя клялся себе, что все, что никогда...

В ящичке лежала записка: «завтра в семь на Таганке, на нашем месте».

И все пошло по-старому... В июле Лия уехала, уже не сказав, куда и с кем. Марик тоже исчез. А Вера после последнего экзамена позвала его к себе в комнату в общежитии. Ее соседки разъехались, она осталась одна.

Алексей подумал, подумал и поехал.

С Верой было хорошо и спокойно. Она никуда не уезжала, не торопилась. Не исчезала. Не говорила загадками. Не замолкала посреди разговора. Не смотрела странно, когда он вдруг рассказывал про всякие комсомольские дела. Они его не волновали, но это была жизнь и обычная, привычная жизнь. Никого в его группе эти разговоры не пугали, а Лия почему-то смотрела испуганно и особенно внимательно ему в глаза. Потом вздыхала, прижимала его голову к себе и шептала что-то по-немецки. Если бы в эту минуту она приказала ему украсть, убить, забыть всех своих родных - он бы, кажется, это сделал...

Все лето он провел с Верой. Они даже в Новокузнецк к ее родителям съездили. Его там приняли как родного. Отец Веры сводил его на охоту. Мама подкладывала в тарелку самые вкусные куски. Старший брат научил его париться в бане. Спали они с Верой в разных комнатах, но днем все уходило на работу, и большая трехкомнатная квартира оставалась в их полном распоряжении. На несколько дней они вдвоем сходили в поход. Поставили палатку на берегу лесного озера, пекли картошку, собирали грибы. Хорошее было время...

...Вера пришла на то свидание в голубом свитере. Он ей очень шел. Алексей смотрел на ее лицо. Оно было бледное, грустное. Говорить было не о чем. Он очень хотел спать. Хотел есть. Хотел обратно в Жизнь. Было страшно спрашивать, что будет со Светланкой, что, вообще, будет дальше ...

Вера смотрела на него и качала головой. «Что ты наделал...Что ты наделал...». Она не причитала, а шептала эти слова.

Алексей попытался прервать ее, ему хотелось, чтобы она хоть как-то посочувствовала ему. Хотелось пожаловаться, что в изоляторе очень холодно, что очень хочется спать, а спать не дают...Но она только качала головой и шептала: «Что ты наделал...Как ты мог...».

Свидание закончилось. Вера стала выходить из камеры и вдруг обернулась: «Знаешь что? Ты предал нас. Прощай».

...Она не сказала ему, что он предатель, когда однажды он не пришел к ней на встречу, а потом они случайно столкнулись на Гоголевском бульваре. Он нес Лие мороженое. Она поджидала его на скамейке. Она обожала мороженое...Вообще, была сладкоежка. Он даже конфеты специально для нее припасал в карманах.

Вера брела вдоль бульвара. Они столкнулись нос к носу. Так бывает в плохих комедиях. И в жизни...

Алексей не нашел ничего лучшего, чем кивнуть и промямлить: «Я...тут...в общем, я побежал?». В руках у него были два вафельных стаканчика.

На следующий день Вера как ни в чем не бывало, подошла к нему и попросила помочь с чертежом. Он согласился, тем более записки про этот вечер в ящичке не лежало. Когда он приехал в общежитие, комната была пустая. Стол был накрыт. Вера сказала, что хотела так отблагодарить его за помощь. Чертеж он сделал на следующее утро.

... Две женщины. Две любви? А сам удивлялся этому коренастому Дон-Жуану из Ленкорани, содержащему две, а с сегодняшнего дня - три семьи.

И в чем между ними разница?

Лию он любил. А Веру? Тоже, наверное, любил. Но когда уходил от нее, забывал. Поначалу еще были какие-то угрызения, а потом привык. Жил в двух мирах. Каждый мир был прекрасен по-своему.

Зимой, перед самым Новым годом, это внезапно закончилось.

Все в мире сплетено, каждый малый кусочек - часть целой картины.

За несколько дней до Нового года умерла бабушка Фрида. Просто не проснулась утром.

Умерла добрая, хорошая женщина, и ее смерть потянула за собой столько событий, столько судеб закрутилось в вихре жизни, сплелось, сломалось, столько характеров обожгло друг друга.

Алексей сидел на своем старом продавленном диване и смотрел прямо перед собой. Может быть, внезапная смерть бабушки Фриды повернула его жизнь?

Он немного злился на себя. Что его так заиклило на поиске той развилки, которая привела его в эту затхлую нелюбимую чужую комнату?

Тот вечер с Мариком, пачка фотографий с текстами Хельсинкской группы, встреча с Лией, раннее утро в декабре, когда старая женщина тихо угасла в своей постели - все это стеклышки одного узора в калейдоскопе. Всё и все связаны между собой. Да, но что стало самым-самым важным и самым-самым роковым? Где и когда он совершил свою самую большую ошибку?

Тревогу забила соседка: она приносила Фриде газеты, немножко болтала с ней по утрам, а тут никто не открыл. Лия опять куда-то уехала, опять неизвестно, куда и с кем.

В ее жизни вообще было много неизвестных слагаемых. Однажды она встретила с ним, держа в руках неуклюжий портфель. Алексей попытался помочь ей тащить такую тяжелую нескладную вещь. Но Лия решительно отказалась. Она выглядела рассеянной и немного встревоженной. Постоянно оглядывалась, плохо слушала его. Они зачем-то почти час толклись на Смоленке у старого метро. Она ласково улыбалась, но глаза смотрели напряженно и не на него. Потом внезапно она поставила портфель в уголке в вестибюле метро, схватила его под руку и быстро повела на Садовое кольцо.

Алексей хотел напомнить про портфель, но понял, что не надо этого делать. Как понял, трудно сказать. Понял - и все...Таких случаев было несколько. И каждый раз он просто не задавал вопросов. Лия это ценила. Не говорила ничего, но было ясно - благодарна за его молчаливое понимание. У них так было всегда: можно было общаться без слов.

...Что было дальше? Какой-то кошмарный сон. Когда Лия вернулась, в квартире сидели два здоровенных мужика в одинаковых костюмах. Но самые страшные были не они, а тот, кто появился потом. Он, оказывается, отходил по естественной нужде...

Обо всем об этом Алексей узнал гораздо позже. Они встретились с Лией случайно. Или не случайно. В ИХ жизни много раз было такое: идут по своим делам и встречаются, хотя не договаривались. Но очень хотели. Притяжение было сильное. Лия говорила «душепритяжение».

В тот день он ехал по эскалатору на «Новокузнецкой» вверх, а она вниз. Он спешил - нужно было что-то передать приятелю, она ехала, опустив голову - и все же они увидели друг друга. Это было невероятно.

...Марик тогда сказал: «Белку взяли». Что это означало, Алексей не совсем понимал. Ясно, что Лия оказалась в большой беде. Что случилось? Почему именно она - вот этого он так никогда и не узнал. Вроде бы в комнате бабушки Фриды нашли склад запрещенной литературы, а может, что-то еще там было припрятано. Все это были домыслы. Марик позвонил ему с просьбой присмотреть за Аллой Марковной, пока его не будет, и в конце разговора коротко бросил те страшные слова про Лию.

У кого узнать, что произошло...Алексей ломал голову. Дважды подъезжал к тому дому на Грановского, но так и не решился зайти. Время шло. Жизнь затягивала в свои тенета. Курсовые, экзамены, собрания, походы. Вера...Вера как будто почуяла что-то. Она не отходила от Алексея, была очень внимательна, нежна. Она расцвела в ту весну. Тоска по Лие накатывала страшная, особенно по ночам. Он ездил в Коломенское. Гулял по их тропинкам, перебирал разговоры. Но жизнь, жизнь, она была сильнее этой тоски. Постепенно у них с Верой все как-то так хорошо сладилось, они решили пожениться осенью. Без большой и громкой свадьбы. Денег на это особенно не было. Вера уехала после сессии к своим, а Алексей, как договорились, недельки на две должен был приехать в августе. Пока же он бездельничал в Москве. Ездил купаться на Борисовские пруды, много читал всякой технической литературы, обдумывал будущий диплом.

Та встреча в метро снова перевернула его жизнь. Он сбежал вниз по эскалатору, Лия стояла, ожидая его. Она смотрела так печально, так тяжело было на душе от ее взгляда, что Алексей даже пожалел, что спустился к ней. Ведь они только встретились взглядами, а он сразу понял, что надо спуститься!

Потом они долго ходили по ордынским переулкам. Москва была опустевшая. Лето! Все разъехались.

Лия захотела есть: купили батон хлеба и молока, сели на скамейку, грызли хлеб и запивали его молоком. Остаток хлеба скормили воробьям, которые оказались шустрее голубей в борьбе за корм.

Лия смотрела на эту маленькую войнушку и грустно рассказывала о себе. Рассказ был несвязный. Что-то, видимо, она рассказать не могла, а что-то не хотела. Понятно было одно - ее выпустили после того, как она подписала какую-то бумагу...

«Я оказалась не такой хитрой, как эти воробьи», - вдруг произнесла она. Главное, что ты снова здесь, со мной. Главное, что ты жива! Все это хотелось крикнуть, встряхнуть ее. Но Алексей молчал, он не был уверен, что она его услышит, а главное, он не был уверен, что имеет право говорить это сейчас - сейчас, когда он раздумывает о свадебном костюме и о том, кого из друзей можно не звать, экономя на ресторане, а кого надо позвать обязательно...

Лия слишком хорошо его знала. Она сразу догадалась, что случилась какая-то история, мелькнула чужая тень.

«А как там Вера?» - спросила она с грустной улыбкой.

«Вера...Ну...», - Алексей понял, что выглядит ужасно. Вера была слишком верной и хорошей, чтобы ее так легко предавать. Но спросил: «А что с Мариком? Я его не видел сто лет, кажется...».

Лия вдруг резко встала со скамейки. Подала ему свою всегда холодную тонкую руку, он безотчетно ее пожал, она повернулась и пошла к метро.

Это было последний раз, когда он ее видел. В начале осени от Аллы Марковны он узнал, что Марик спас свою девушку - она пыталась отравиться, а он вовремя вызвал скорую, ее откачали.

Второе известие о Лие пришло через год.

В том августе погибла мама. Потом ушла бабушка. Свадьбы так и не состоялось. Они с Верой просто расписались, когда стало ясно, что летом должен родиться ребенок.

Все закрутилось с огромной скоростью. Было очень тяжело. Но не так страшно и не так пусто, как сейчас в этой комнате, на этом диване. Алексей вспомнил про бутерброд с сыром, который он засунул в карман куртки.

Бутерброд был скомканные, к сыру прилипли ворсинки. Есть это уже было невозможно.

«Я Не-лепый», - повторил Алексей.

...НИИ, в котором Алексей очутился после института, в заветное КБ к Решетневу он так и не попал, показался поначалу спасением. Находится недалеко от вокзала. Народ в лаборатории веселый. В холлах стоят теннисные столы. Но прошел месяц, и ничего не случилось. В смысле никаких научных результатов. Никаких заданий. Он было рыпнулся - записался на прием даже, к главному начальству. Его в туалете подловил Лобов, молодой парень, но уже старший научный, побывавший в загранке, вообще парень не промах - тихо так ему, но четко сказал: «Не лезь! Сиди тихо! Ты что хочешь Сансаныча подставить?».

Алексей не хотел никого подставлять. И завлаб Александр Александрович Пашинцев был отличный мужик. Но НИ-ЧЕ-ГО не делать...Это было слишком. Пару раз он напивался с мужиками. Но организм его не переносил алкоголя. Вот такое устройство было. Вера даже иногда шутила, что вышла за него только поэтому.

Тот день запомнился очень хорошо. Долгое время Алексей считал именно его «началом конца».

Он помнил, как выбрался из автобуса, который, отъезжая, обдал его февральской дорожной грязью.

Около института его окликнул человек в серой куртке и вязаной шапке, надвинутой до бровей: «Алексей!»

Алексей взгляделся, но не узнал: «Да...».

Парень сказал, почти не разжимая губ: «Вам привет от Марка».

Сердце ёкнуло... Про Марика он почти ничего не знал. Алла

Марковна внезапно исчезла, неизвестно куда. В квартиру несколько раз стучались странные люди. Однажды они позвонили в их дверь. Отец рассказал, что у него расспрашивали про Марка Когана, но он ничего не знал и больше никто никогда не появлялся. Квартира была опечатана. Потом в нее вселилась молодая семья, а Коганов как будто и не было никогда в этом доме.

«Вощем,- парень шмыгнул носом. - Говорить я сильно не могу. Просьба от Марика. Надо одну вещь размножить. Он говорил - у вас такой аппарат на работе есть».

Когда Алексей вошел в холл института (здание было многоэтажное и располагалось там несколько «контор», но холл - мрачный, завешанный каким-то странными огромными металлическими панно - был общий), то показалось, что все перевернулось. Со стен смотрели не абстрактные панно, а угрожающие железные лица. Копошащиеся у гардероба люди стали отчужденными и настороженными.

Но потом работа отвлекла от тяжелых мыслей: погрузившись в расчеты, Алексей забыл обо всех свалившихся на него новостях...

«Сосновский! Тебя!».

«Меня?». Алексей искренне удивился. За те полгода, пока он здесь работал, ему никто никогда не звонил.

«Женский голос!».

Склонившиеся над кульманами и столами сотрудники даже головы подняли.

«Да, я... Хо..хорошо»,- он внезапно стал заикаться. - «Ладно, нормально. Хорошо, в 7».

Снова вокруг все стало враждебным. Перед глазами поплыло. Станным и особенным показался взгляд Лобова, перед этим откровенно разгадывающего кроссворд.

...А дальше...Дальше случилось, что должно было случиться. Или же, наоборот - не должно?

Вечером на «Комсомольской» Алексей встретился с худенькой девушкой в тяжелых роговых очках. Она была строгая и неразговорчивая. Пробормотала что-то и растворилась среди толпы спешащих на один из трех вокзалов. А Алексей, подчиняясь ...Подчиняясь чему, хотелось бы спросить? Чувству долга? Перед кем? Чувству страха? Так, страх должен был

увести его от *такого* выбора. Но главное, главное, что он все - таки это сделал. Он пошел к камере хранения Ленинградского вокзала. Набрал названные строгой девушкой цифры. И вытащил из ящика старый обшарпанный чемодан.

На следующий день он пришел в институт с большой спортивной сумкой. «Что там?» - строго спросил вахтер.

Больше всего хотелось сказать ему грубо: «Не твое дело, сволочь», но Алексей услышал от себя другое: «Да вот собрался вечером в волейбол с друзьями»...

Эта версия была повторена затем Лобову, Сансанычу и всем желающим узнать, что за сумка.

А потом почти две недели по листочку книжка, перекочевавшая в нижний ящик стола, была скопирована на огромной копировальном аппарате, занимавшем почти всю каморку в подвале здания. Заведовал аппаратом Игорь Дедюхин, тихо спивающийся пятидесятилетний дядька, которого все звали просто - Гарик. Алексей так примелькался за эти две недели, что Гарик даже не заходил, пока он копировал свой чертеж... Вот куда было девать бесчисленные копии одно и того же чертежа? Алексей придумал рвать их и выбрасывать в туалете...

Вообще, все сделанное, вся эта суета, «гениальные» шпионские ухищрения - все это потом показалось таким детским, нелепым... Тогда же... Тогда почти две недели жил в лихорадке. Каждый день в разных местах встречался он то со строгой девушкой в очках, то с похожей на монашку теткой с лицом землистого цвета, в платке и длинной черной юбке, то с мужиком с длинной окладистой бородой... Разные лица, молчаливые люди - все без имени. Только быстрый взгляд и номера «Юности», завернутые в газету. А в них те листочки, что с величайшей предосторожностью доставал из стола в обеденный перерыв, пока все убегали в буфет, засовывал в свернутый рулоном чертеж, разрешенный к копированию...

В пятницу вечером все было закончено. Осталась обложка. Ее, как самую незначительную часть книги, Алексей оставил на «потом». Но все получилось. И пришло чувство облегчения. Он поймал себя, что за две недели ни разу не почувствовал себя усталым, не помнил, что ел, почти не спал и

не разговаривал с Верой.

...Алексей вспомнил, что когда в тот день он вышел из института, то вдруг решил купить вина, торт - и устроить маленький праздник. В большом гастрономе на углу была дикая очередь в кассу. Алексей плюнул и отправился на вокзал.

...Около двери мяукал кот. Соседка постоянно притаскивала котов и кошек разных мастей. Алексей научился не замечать их, переступал через спящих тут и там, когда шел в туалет и на кухню. Коты и кошки были такими же участниками целлулоидной пленки, которую он много лет смотрел вместо своей жизни.

Коты и кошки, судя по всему, относились к нему так же. Но один - страшненький облезлый рыжик - почему-то настойчиво просился в дружбу, мяукал под дверью, старался остаться в комнате Алексея подольше, и постепенно Алексей привязался к этому существу, насколько он мог вообще сейчас к кому-нибудь привязаться.

Кот пролез в дверь, потерялся у коленей Алексея, запрыгнул на стул, свернулся на валяющемся там свитере клубочком и задремал. От этой картины веяло таким забытым уютom и покоем, что в душе опять все сжалось, на мгновение сквозь целлулоидную пленку пробралась в эту душную грязную комнату теплая настоящая жизнь...

...Любовь с Лией каждый раз начиналась по-разному. Уже вынимая записку из почтового ящика, Алексей начинал предвкушать приключение. Никогда ничего не повторялось. Хотя чаще всего любовь была в «их» комнате, на «их» диване...Посередине комнаты стоял круглый стол. Сейчас таких не делают. Такие столы были популярны в годах 50-х. Над ними вешали абажуры с бахромой. Семья вместе обедала и ужинала, играла в лото и читала вслух книги. Однажды Лия притащила странную книгу на немецком языке. Сказала, что на самом деле она написана на французском. После любви, в которой было очень много нежности и ласки, она совершенно голая сидела на полу, потягивая вино «Изабелла» - она любила это вино за привкус виноградной кожицы. Сидела и вслух читала эту книгу. Алексей слушал немецкую речь, ничего не понимал, но все

равно было хорошо. Вдруг Лия начала переводить...

«Ласковые пальцы наставницы начали щекотать мои соски, а ее язычок проник мне в рот». ...» Ласкайте меня, ласкайте скорее! Я буду лежать в твоих объятиях, Жюльетта, и целовать тебя, наши губы сольются, наши языки сплетутся. Мы высосем друг друга до самого дна».

Все это было так странно и так подействовало на Алексея, что он вдруг сполз с дивана и начал целовать Лию в шею, в грудь, в живот. Она уворачивалась и продолжала читать вслух все эти изысканные непристойности то на немецком, то переводила на русский. Алексей уже в каком-то полубреду распял это тело, такое нежное и податливое, такое ЕГО - и долго входил в него, измучившись вконец, рухнул прямо на Лию и услышал ее торжественный голос: «...несчастные угнетенные евреи вспомнили химеры отцов только тогда, когда вновь обрели свободу. После этого новые вожди начинают петь старые песни, но, к сожалению, их проповеди не подтверждаются деяниями: евреи, заявили эти новые вожди, будут процветать до тех пор, пока останутся верны заветам Моисея!».

Это было так смешно, что они хохотали всякий раз, когда вспоминали об этом. У них даже была своя шутка-пароль «Ну что, как там несчастные угнетенные евреи?». Особенно забавно было вспоминать об этом при ком-нибудь другом.

Иногда они встречались в компаниях. Там бывал и Марик. Видеть их вместе Алексею было нелегко. Лия это замечала и старалась то коснуться рукой, то нечаянно погладить по голове, а иногда вдруг начинала шутить так, чтобы было понятно только Алексею.

Марик смотрел в этот момент задумчиво, как будто догадывался о чем-то, но никогда ничего не спрашивал, и все шло своим чередом...

...Кот продолжал спать на стуле, Алексей поначалу хотел выдернуть из-под него свой свитер, но потом пожалел и не стал дергать этого тихого наглеца. Его настойчивая привязанность к Алексею грела, если честно. Пожалуй, никому он больше не был нужен. Да и ему тоже никто не был нужен. А вот - пришел кот, лег рядом, и выгонять не хочется...

Лия любила носить его рубашки. Они на ней смотрелись

платьями. В такой рубашке прямо на голое тело она могла выйти на кухню, сварить кофе, пожарить хлеб и вернуться с подносом в «их» комнату. В такие минуты была иллюзия их общей семьи.

Однажды Алексей все же решился спросить: «А что у тебя с Мариком?» и услышал: «Мы поженились...». Это было очень больно. Он даже не ожидал.

Молча собрался тогда. Хлопнул дверью и решил, что это конец.

Неделю мучился, а потом все же поехал к почтовому ящику. Там лежала записка: «У Альшицев в 6».

Он поехал к друзьям Лии, которые жили в одном из арбатских переулков. Два брата - один художник, другой - физик. Некрасивый стеснительный, какой-то неопрятный художник Женя и подтянутый, спортивный красавец Илья. Самое странное, что они были близнецами! Но не однойцевыми, как любил говорить Женя. Вместе с ними жила их бабушка, родители мотались по экспедициям - они были то ли археологами, то ли геологами. Квартира была полна разных диковин, и люди там тоже были диковинными.

Лия очень любила Альшицев. Алексей немного ревновал к Илье, но потом ему объяснили, что Илью интересуют мальчики. Это тоже было диковинно, но все, что было связано с Лией, казалось правильным и необыкновенным.

Марик тоже ходил к Альшицам. Он спорил с диковинными людьми, что-то говорил о правах человека, о Натане Щаранском, об обретении корней. Лия слушала его очень внимательно, смотрела во все глаза, но иногда, Алексей видел, видел!!!! - иногда ей становилось скучно, она поднимала глаза на него, и в них мелькало что-то такое бесовское, что не давало ему покоя потом. Даже с Верой, даже когда Лии не стало, он часто вспоминал этот взгляд, чувство, которое пронизывало его внезапно.

В тот вечер, когда они снова встретились после той молчаливой ссоры, у Альшицев было особенно много людей. Было даже несколько совсем диковинных - в черных шляпах, с длинными завитками у висков, в белых носках. Лия, выйдя к нему в коридор, шепотом сказала, что они приехали из Литвы.

Алексею было все равно, кто откуда и зачем приехал, ему больше всего хотелось прижать эту мучительницу к себе, унести на «их» диван, и чтобы снова было все, как всегда...

Лия была в черном платье. Оно очень ей шло. Лия была худенькая, маленькая, но грудь была полной и округлой. Платье это подчеркивало.

Алексей ужасно соскучился. Лия ходила рядом, она была такой красивой, такой зовущей, и она была не его. Марик сидел в кресле, уткнувшись в какую-то огромную книгу, и что-то увлеченно расспрашивал у самого седого из литовских гостей. Лия ушла на кухню варить кофе.

Женя спал в своей комнате. Илья разговаривал по телефону. Квартира была путаная, огромная. В ней даже имелся чулан, о котором со смехом рассказывали хозяева. Чулан - комнату без окна. В нем хранились старые безногие стулья, тазы, банки - всякий хлам.

В этот чулан Алексей затащил Лию. Задрал ей платье и жадно воткнулся в СВОЕ, мягкое, горячее, родное. Лия тяжело дышала, шептала что-то тревожно, но льнула, ласкала его, постанывала.

Они вышли из чулана и столкнулись с Мариком. Марик отвернулся и ушел в комнату. Алексей было решил, что это все - с надеждой посмотрел на Лию: ну что, пойдем отсюда? Но вдруг услышал голос Марика: «Белка! А кофе твой где? Ты обещала кофе...».

Лия растерянно посмотрела на Алексея, опустила голову и пошла варить кофе.

...Надо было взять ее тогда и увести. И не было бы этой комнаты, этих грязных окон, этой невыносимой пустоты и тяжести в душе. Не было бы потерянной Светланки, 7 лагерных лет, страха, одиночества, обид, предательства, неустроенности и беспомощности. Рядом с Лией Алексей бы не сдался, рядом с ней все казалось нужным и понятным.

А Вера? Ведь с Верой тоже было хорошо. Да, с Верой тоже было хорошо. Но счастья не было...Потому что. А вот почему - этого Алексей не знал.

...В разговоре с ним тетя Паша часто вспоминала тот день. Сокрушалась, сетовала, а потом садилась на стул, клала

руки на колени и долго-долго сидела молча, глядя перед собой. Ей не давало покоя, что не хотела она зла-то, не хотела, а такое зло совершила - хорошего человека, мужа, отца маленькой еще совсем девчушки по ее вине отправили в тюрьму...

Хромченко, который 1-й отдел возглавлял, все он, он, будь неладен...Тетя Паша прибавляла крепкое словцо и имя Хромченко - Геннадий переиначивала так, чтобы вся дерьмовая сущность этого скользкого, всеми в Институте ненавидимого толстяка с маленькими свинными глазками на заплывшем лице, выползала наружу.

В тот день тетя Паша должна была уйти пораньше - у соседки ее свадьбу дочке играли. Тетя Паша была голосистой, бойкой, ее любили на всяких пиршествах. Она заводила частушки, знала всякие старинные правила, приметы и, вообще, так звонко кричала «Горько!», что весь стол обычно подхватывал, и становилось ясно - свадьба удалась.

Она уже договорилась со своим начальством обо всем, прикинула, что если сумеет улизнуть в 4, то к 6 доберется до дома - там как раз только все начнется.

Уже и размечталась, как нарядится в свое коричневое платье кримпленовое, и туфли у нее были подходящие, но тут начальник ее - Павел Сергеевич, мужик немногословный, спокойный, положительный, всегда можно с ним договориться - подошел к ней и спросил: «Паш! А кто в подвале убирается, где аппарат стоит? Ты?».

В подвале этом никто не убирался. Тетя Паша с Люськой рыжей, известной шалавой, так и не договорились, чья это территория. Так, раз в неделю выгребали оттуда мешки с мусором, а чтобы убираться - такого и не бывало.

Тетя Паша промолчала тогда.

«В общем, - чтоб сегодня полный порядок там был», - сказал Пал Сергееч. И так сказал, что стало понятно - порядок должен быть во что бы то ни стало.

Это означало, что на свадьбу тетя Паша попадет не раньше 9, когда все уже будут пьяные и веселье, считай, закончится. Игорь этот, пьяница, никогда пепельницы за собой не выкинет, да и окурки свои тушит прямо в горшки цветочные, и еще лучше - в стакане с чаем они у него плавают, - раньше 6

точно не уйдет, его дома никто не ждет. Он туда и не торопится. А убирать в этой помойке при нем - бесполезно. С утра проверка будет, начальство должно увидеть - приказ выполнен.

Ох, тетя Паша и злая тогда была. И на Игоря этого, и на Пал Сергеича, а больше всего на себя, что не ушла на полчаса пораньше, а остановилась с Тамаркой-буфетчицей поболтать, похвастать про свадьбу.

...Через много лет она все эту Тамарку вспоминала. Вот, говорила, не пойди я тогда к ней колбаски домой купить копченой (больно хорошая колбаса в буфете была), все бы иначе повернулось...

...Алексей задумался. Неужели дело в той колбасе? Любовь к копченой колбасе сломала его жизнь...Боже, как нелепо и жутко звучит...

В этих мыслях даже образ Лии немного померк. Она как будто отодвинулась, покрылась туманом, сосущая боль в сердце притупилась. Захотелось лечь спать и долго не просыпаться...

Тетя Паша убрала дедюхинскую каморку. Вынесла мусор. Вернулась за шваброй и ведром и решила посмотреть, что за агрегат такой, охрана которого позволяла здоровому мужику целыми днями пить чай (а последнее время и водку), курить и болтать с проходящими к нему инженерами. Она осмотрела его. Кнопки, кнопки. Ящичек какой-то. Как выдвигается непонятно. Видимо, Дедюхин не совсем зря свой хлеб ел. Так, а сверху крышка. И она, небось, тоже от кнопки какой поднимается...Тетя Паша попробовала крышку приподнять. Она приподнялась! Это было удивительно и очень приятно. Вот, смогла же справиться с этой загадочной зверюгой! Под крышкой лежал листок. Тетя Паша листок вынула. Забыли, наверное. Решила положить на стол. А вдруг слетит от ветра, когда дверь откроют. Важный листок какой-то. Зря не стали бы его в этот аппарат класть.

Она подумала и решила, что надо отнести его Пал Сергеичу. А он уже сам решит, что с этим важным листком делать.

Поднимаясь по лестнице, тетя Паша столкнулась с Хромченко и даже обрадовалась. Вот ему-то она листок и отдаст. Он такой важный, во всех комиссиях участвует и все

знает. Так этот листок и оказался у Хромченко.

Всего лишь листок. Обложка книги. Черным по белому: «Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ».

....Алексея забрали в воскресенье. Установить, кто был в тот день в копировочной не составило труда. Гарика Дедюхина тоже на всякий случай арестовали. Сансаныча Пашинцева уволили. Правда, по собственному желанию. Завлабом стал Лобов.

...Когда Алексей вернулся, все было настолько по-другому, что казалось невероятным. Невероятным были журналы с полуголыми девушками, продающиеся рядом с трусами и детскими игрушками. Мебельные магазины в кинотеатрах. 12-летние мальчишки-проститутки у гостиницы «Интурист». Невероятным было и то, что «Архипелаг ГУЛАГ» можно было купить в книжном магазине.

Алексей ходил по городу, не узнавая его и не понимая, как он будет жить в этом городе - таком жестком, неприязненном к новичкам, ошетинившемся и готовом к отпору.

Тетя Паша пригрела его тогда. Пожалела - худого, неприкаянного, никому не нужного. Вера разговаривать с ним не захотела. Она была замужем. У нее родился сынишка. Не простила она ему чего-то тогда. Вера была не злая, не обиженная, а холодная и чужая. После того свидания в самом начале следствия он ее и не видел больше. Писем она не писала, новости о ней он узнавал через весточки Валюшки Личутиной - их старосты. Еще в Институте в группе ходили шутки, что Валя - маленькая серая мышка, серьезная, даже нахмуренная какая-то постоянно - влюблена в Алексея. Только ему она не ставила пропуски, не получив справки. Только ему разрешала опаздывать на первые пары, и только его она пригласила однажды к себе в гости на день рождения. Алексей пришел. Вместе с Лией. Так получилось.

В тот день они встретились в Коломенском, было ветрено, сыро. Он пошутил, что мог бы сейчас поесть именинный пирог, но вынужден разгуливать под дождем, потому что ...Лия закрыла его рот ладошкой и спросила: «А что за именины? И почему мы еще не там?». Вот так они и очутились в уютной квартире в большом сталинском доме где-

то на Автозаводской. Вместе с Вале́й жили ее мама, бабушка, тетя, кажется, была еще старшая сестра. Дом было полон женщин. Все они были молчаливы, серьезные, немножко нахмурены, но гостеприимны и доброжелательны. Кажется, только кот был в этом доме мужского рода. Да! Точно! У Вали был рыжий здоровенный кот. Лия тотчас же затащила его к себе на колени и так и не отпускала целый вечер. Она очень любила всякое зверье. Даже мышей не боялась, как положено было девочкам. Зверье это чувствовало и ластилось к ней, выделяя сразу из всех гостей.

Валя, тогда как будто даже обрадовалась Лие. Алексей всех тонкостей не разобрал. А сейчас он понял, что Лия означала для Валечки, тайно сохнувшей по долговязому и не особенно красивому однокурснику, только одно: Вера не имеет на него монополии. Значит, шанс есть.

Как-то раз они с Лией встретили Валою в метро. Она шла, повесив голову, очень грустная и неприкаянная. Лия окликнула ее. Они постояли, помялись. Говорить было не о чем. Валя пошла дальше. Лия и Алексей торопились к Альшицам на Арбат. Но внезапно Лия повернулась и побежала вслед за Вале́й. Догнала ее, пыталась зазвать в гости вместе с ними. Это она потом рассказала. Валя наотрез отказалась.

Валоушка писала ему в лагерь нечасто. Исправно поздравляла со всеми праздниками. Даже с Днем конституции. Присылала открытки. На Новый год однажды от нее пришла большая посылка с консервами. В ней было и письмо, где Валя сообщала о новом замужестве Веры.

...Странно, а почему он не позвонил Вале ни разу эти годы? Ведь она не прогнала его тогда...

Ноябрьский вечер был ужасно холодный. Алексей сел в метро на Кольцевую и катался в вагоне несколько часов. В его квартире жили чужие люди - отец, пока он был в лагере, совершил родственный обмен и уехал жить в домик где-то под Тулой. Это сказала ему соседка у подъезда. Очень она осуждала новую жену отца. По ее словам, та, устроившись работать на бензоколонку, запила, загуляла. Отец очень сдал, постарел. А когда эта королева бензоколонки умудрилась еще и в какой-то «криминал вляпаться», от греха подальше уехал в деревню.

Отец ни разу не написал Алексею. Искать его было бесполезно. Желания тоже особенного не было. Оставались материны родственники в Воронеже. От них в лагерь иногда приходили открытки. Жили они тесно, да и бедновато. В молодости Алексей не стремился родниться, странно было бы сейчас свалиться им как снег на голову.

Оставалось одно: устроиться куда-нибудь на стройку и поселиться в общежитии до выяснения своих прав на прописку.

Он катался по Кольцевой в полудреме. Сменялись лица, пальто и куртки стоящих перед ним людей. Все это было, как во сне или в плохом кино. Кадры чередовались, но ничего не трогало...

К Вале он потащился, потому что больше было не к кому. Ни один человек из его прежней жизни не интересовался его судьбой. Никто не захотел прислать ему хотя бы пару слов.

Дверь открыла сама Валя. Горло ее было замотано шарфом. Она еле говорила. Махнула рукой и прошипела: «Ангина! Не подходи близко...».

Супом и котлетами из моркови его покормила Валина сестра. Никто ни о чем не спрашивал. Просто поставили тарелку и положили еды. По радио шла какая-то передача. Время от времени Валина сестра замирала и качала головой недовольно. Валя слабо позвала из комнаты: «Леш!». Алексей запихнул в рот кусок хлеба, котлету и картофелину и с набитым ртом зашел в комнату.

«Это тебе», - сказала Валя и протянула книжку.

Книга была на немецком языке. Алексей смог разобрать фамилию автора - де Сад...

...Рассказа Вали был не очень подробный, а ему хотелось деталей, подробностей. Но расспрашивать бедную Валентину, которая еле-еле держалась, у нее стала подниматься температура, горло разболелось неимоверно - расспрашивать ее было бы жестоко.

Подробный рассказ оставили на потом. Алексею постелили на кухне. Он лег в спальный мешок и заснул мгновенно.

Утром проснулся от шумного разговора. Понял, что сестра выговаривает Вале за него. Чем именно она была

недовольна, он так и не распознал, но натянул на себя штаны, куртку и вышел из дома. Больше он в него так и не зашел...

В кармане лежала книжка. Книжка Лии. Привет с того света...

А в книжке были листки тонкой бумаги с ее почерком - тонким, изящным почерком отличницы. Он сел прямо на бульварчике. Скамейка была мокрая, холодная. Рядом бомжи распивали из бутылок, найденных в урнах, пиво.

Письмо было для него. Письму было почти 9 лет.

Фрида умерла. Лия была далеко. В комнате Фриды были книги, за которые Лию посадили. Она вышла. И довольно скоро. Алексей с ней не встречался, кроме того раза - на Новокузнецкой. Он собирался жениться на Вере. Они выбирали ресторан. Решали, кого позвать, а кого не звать, но так, чтобы не обидеть.

А Лия в то время жила у Вали и писала ему письмо. Она писала его каждый день. Как дневник. Многое забылось. От этого было непонятно, о ком пишет Лия. Алексей пытался поначалу вспоминать, а потом плюнул и просто перелистывал эти нежные листочки, стараясь отыскать в них слова о нем, о том, как Лия скучает, как любит, как страдает.

Но таких слов не было. А был рассказ о том, что случилось, как было тяжело и отвратительно в тюрьме. Все это ему после пережитого уже было не очень интересно. Хотелось читать только о том, как она его любит. Но Лия не писала об этом. Она писала о том, что поняла, какая она слабая и какая глупая, как все переменялось в жизни. Как невозможно больше думать об этом, а она думает и думает, и думает...

Ни слова о Вале. Ни слова о том, почему она живет у нее. Только о том, что больше жить с «этой мыслью» она не хочет. Не может. Что за мысль понятно не было. Записи становились все короче и все бессвязней.

Алексей даже не стал дочитывать до конца.

Он понял, что письмо было не ему, хотя в самом начале стояло: «Здравствуй, Три Не!». Это был ИХ пароль. Так она его называла. И только он знал, ЧТО это означает...

Но больше ни слова о нем.

Алексей устал читать эти листки. Хотелось есть, спать, в душ, в дом. Ничего этого не было. Он поехал в Институт -

может, там кого встретит, что-то решит. Там он встретил тетю Пашу и поселился у нее.

...Рыжий кот продолжал спать. Почему-то это было очень приятно. Смотреть на него было уютно, наверное. Лапки его были в белых носочках, и одна лапа свесилась со стула небрежно.

Кажется, у меня был телефон Вали.

Алексей порывлся на столе, под бумагами лежала старая записная книжка. Черная обложка, засаленные странички. Прошлая жизнь. Он полистал ее - нашел телефон Марика. Телефон Альщицев. Телефон Вериного двоюродного брата, который жил где-то в Загорске, или в Переславле Залесском. Они к нему как-то ездили в гости.

Алексей не позвонил никому. Прошлая жизнь была отрезана. Новая жизнь не была начата.

Картинка распалась. Какое-то самое важное стеклышко в этом калейдоскопе выпало. Какое - Алексей не мог понять.

Много лет он жил, точно зная, что случилась страшная несправедливость. В копировальном японском аппарате был найден листочек от запрещенной книжки. Листочек нашла тетя Паша, выдала его гэбисту. Гэбист донес куда следует. Алексею дали срок.

Сюжет этот прокручивался в голове много лет. Он стал кристаллической решеткой его прошлого. В этом прошлом не было места для воспоминаний детства, для дружбы с Мариком, для любви к Лие...

Начав свою «книгу», Алексей разбудил демонов. Они мучали его, царапали душу, шептали по ночам страшные вопросы: «Когда? Почему? Что заставило?».

Где я оступился? Когда совершил главную ошибку и свернул с ясной дороги?

Дочка далеко и не желает меня знать. Бывшая жена считает предателем (а ведь в той кристаллической истории судьбы предателем была она...), любимая женщина в своей исповеди ни разу не назвала меня «любимым», друг погиб в далекой Америке, та, которая дала кров, лежит в земле, и я ни разу ее не навестил, не помянул.

В моей жизни есть помидор и огурец, Вагиф со своими многочисленными семьями, да еще этот рыжий кот в

белых носочках.

Кот как будто услышал его. Поднял голову. Потянулся. Алексей приготовился к тому, что он спрыгнет со стула и уйдет. Но кот долго смотрел на него, а потом снова заснул.

Телефона Вали в записной книжке не было.

Может быть, его и не было там никогда? Но он же звонил ей, как приехал из лагеря. Прямо с вокзала. Хотел узнать телефон Веры.

Значит, где-то был этот телефон.

Алексей начал высыпать содержимое ящиков. Достал из старой коробки папки с бумагами. В них хранились какие-то документы тети Паши, даже удостоверение, дающее право на проход в Институт, валялось в тех папках. Но телефона Вали Личутиной там не было. Было обидно так, что хотелось заплакать. Много лет Алексей не вспоминал об этой женщине, а тут вот - понадобилась, как нитроглицерин.

Он попытался вспомнить, где находятся ее дом и квартира. Наверное, можно было попробовать просто прийти к ней. Но она могла уехать, поменять квартиру, выйти замуж, она могла умереть...

Прошло много -много лет...Выкинуть идею поехать к Вале прямо домой у Алексея никак не получалось. В конце концов, он смирился с этой мыслью и решил, что попробует поехать к Вале через несколько дней. Надо было привыкнуть к себе новому - человеку с желаниями и стремлениями, малопонятными ему самому, правда.

Кот остался ночевать. Ночь он бродил по комнате, мяукал, мешал Алексею, потом пристроился в ногах, так они скоротали свой сон.

Утром Алексей собрался и поехал в Москву...Адреса Вали он не помнил, но был уверен, что дом и квартиру найдет...

Поступила / Received: 27.10.2025

Принята / Accepted: 01.11.2025

О ЖУРНАЛЕ

Гуманитарное пространство (Гуманитарное пространство. Международный альманах = Humanity space. International almanac) издается с 2012 года. Публикуются статьи, являющиеся результатом научных исследований. К печати принимаются оригинальные исследования, содержащие новые, ранее не публиковавшиеся результаты, обзоры, аналитические и концептуальные разработки по конкретным проблемам гуманитарных и естественных наук.

Издание зарегистрировано в Международном Центре ISSN в Париже (идентификационный номер печатной версии: ISSN 2226-0773).

Выходит 4 номера в год, а так же дополнения в виде приложения к журналу.

Альманах представлен во многих базах данных и каталогах: Zoological Record (Web of Science), ZooBank, EBSCO, ERIH PLUS, Index Copernicus International, Genamics JournalSeek, Google Scholar, Интеллектуальная система тематического исследования наукометрических данных (ИСТИНА), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), КиберЛенинка (Cyberleninka) и др.

ABOUT THE JOURNAL

Humanity space (Гуманитарное пространство. Международный альманах = Humanity space. International almanac) has been published since 2012. Articles that are the result of scientific research are published. Texts could be original researches, containing new, previously unpublished results, surveys, analytical and conceptual manuscripts on specific issues of the humanities and natural sciences.

Publication is registered in the ISSN International Centre in Paris (identification number printed version: ISSN 2226-0773).

There are 4 issues per year, as well as supplements in the form of an appendix to the journal.

Almanac is presented in many databases and directories: Zoological Record (Web of Science), ZooBank, EBSCO, ERIH PLUS, Index Copernicus International, Genamics JournalSeek, Google Scholar, Intellectual System of the Thematic Research of Scientific Metric Data (ISTINA), Russian Science Citation Index (RSCI), Cyberleninka etc.

Содержание // Contents

Стукалова О.В. Два рассказа из серии «Придуманные жизни»:
Амариллис и Многоточие

Stukalova O.V. Two stories from the "Invented Lives" series:

Amaryllis and Ellipsis..... 413

Амариллис / Amaryllis 413

Многоточие / Ellipsis 545

О ЖУРНАЛЕ / ABOUT THE JOURNAL..... 588